

188146

188146 1934

1417

~~I. IV~~
~~M/2~~

КЪ ИСТОРИИ

КУЛЬТА ОГНЯ У ИНДУСОВЪ

ВЪ ЭПОХУ ВЪДЪ.

145

- I. Три разновидности священнаго огня: Grhapati, Viçpati, Vaiçvānara.
- II. Эпитеты священнаго огня.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

прив.-доч. Д. Н. Обванико-Куликовского.

1925
1447

ОДЕССА.

ТИПОГРАФИЯ «ОДЕССКАГО ВѢСТНИКА», КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛ., № 3-й.

1887.

111
111

188146

111
111

КЪ ИСТОРИИ

~~1. IV~~
~~1812.~~

КУЛЬТА ОГНЯ У ИНДУСОВЪ

ВЪ ЭПОХУ ВЪДЪ.

I. Три разновидности священнаго огня: Grhapati, Vicpati,
Vaiçvānaga.

II. Эпитеты священнаго огня.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

прив.-доц. Д. Н. Овсянко-Куликовского.

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
Інв. № 188146 ✓
ОДЕССА.

ТИПОГРАФІЯ «ОДЕССКАГО ВѢСТНИКА», КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛ., № 3-й.

1887.

~~Центральна Наукова~~
~~учебна БІБЛІОТЕКА~~

188146

58

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго
университета. Ректоръ С. П. Ярошенко.

Къ исторіи культа Огня у Индусовъ въ эпоху Вѣдъ.

I. Grharati, Viṣṣpati, Vaiṣvānara.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Прив.-доц. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго.

Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Предлагаемый этюдъ посвященъ весьма спеціальному вопросу, относящемуся къ исторіи культа огня у Индусовъ въ эпоху Вѣдъ. Изучая гимны Ригъ-Вѣды, посвященные боже-ству огня (Агни), я пришелъ, между прочимъ, къ заключенію, что необходимо различать *три* священныхъ огня: огонь *домашній* или *родовой* (grharati), огонь *общинный* или *сельскій* (viṣṣpati) и огонь *союзный*, т. е. принадлежащій союзу общинъ (vaiṣvānara, viṣvacarshani). Эти разновидности не должны быть смѣшиваемы съ тѣми, которыя основывались на идеяхъ миеологическихъ и теософическихъ. Въ силу этихъ идей, по большей части весьма древнихъ, унаслѣдованныхъ Индусами съ одной стороны и Иранцами съ другой отъ арійской (индоиранской) эпохи и теряющихся въ глубинѣ индоевропейской древности, различали огонь земной и огонь небесный, огонь солнечный и огонь молніи (Arām-parāt); далѣе усматривали присутствіе сокровеннаго огня въ деревѣ, въ камняхъ, въ землѣ, въ водѣ, въ тѣлѣ человѣка и животныхъ. Авестійскія разновидности огня, перечисленные въ XVII-ой главѣ книги Yasna, состоятъ въ несомнѣнной связи съ этими воззрѣніями, хотя это не ука-

зано въ текстѣ: оно указано пехлевійскимъ комментариемъ ¹⁾. Въ Ригъ—Вѣдѣ укажемъ пока на стихи: V, 11, 6 («тебя, о Агни, положеннаго въ потаенномъ мѣстѣ нашли Ангирасы, — (тебя) скрывающагося въ каждомъ кускѣ дерева, — и ты рождаешься посредствомъ тренія...»); I, 68, 4 «всѣ вкусили твою мощь, когда ты, живой богъ, родился изъ сухаго дерева...»); I, 70, 4 («Агни—чадо водъ, чадо деревъ, чадо движущихся, чадо неподвижныхъ...»); VI, 48, 5 («Воды, камни, дерево заключаютъ въ себѣ зародышъ закона...», т. е. Агни); VII, 4, 5: («Его носятъ во чревѣ растенія, деревья, земля»). — Людвигъ (*Der Rigveda*, томъ III, стр. 325) сопоставляетъ съ авестійскимъ *Urvāzishta* индійскій *aushadha* — огонь растеній (позднѣйшій терминъ), съ авест. *vāzishta* индійскій *vaidyuta* — огонь молнии (не вѣдійскій терминъ). Тамъ же онъ приводитъ одинъ гимнъ изъ *Atharva*—Вѣды (V, III, 21), гдѣ перечисляются огни въ водахъ, въ тучѣ, въ людяхъ, въ камняхъ, въ растеніяхъ, въ деревьяхъ, въ Сомѣ, въ молокѣ (или въ коровахъ) и т. д. Для насъ особенно любопытенъ стихъ 3-ій, гдѣ говорится, что *Агни Vaiṣvānara* шествуетъ вмѣстѣ съ *Индрою* и является побѣдителемъ въ битвахъ. Ниже мы увидимъ, что этотъ огонь *vaiṣvānara* (союзный, по нашему опредѣленію) въ гимнахъ Ригъ—Вѣды сопоставляется именно съ *Индрою*, и ему приписываются подвиги *Индры*. Почему это случилось, и какое значеніе имѣетъ этотъ фактъ для характеристики огня *Vaiṣvānara*, — это будетъ подробно разслѣдовано въ своемъ мѣстѣ (§ 5). — Этотъ терминъ

¹⁾ 62. *Ōwām ātarem ahurahe mazdāo puṣrem ashavanem ashahe ratīm yazamaide.*—63. *ātarem berezisavanhem yazamaide.* 64. *ātarem vōhū-fryānem yazamaide* 65. *ātarem urvāzishtem yazamaide.* 66. *ātarem vāzishtem yazamaide.* 67. *ātarem spenishtem yazamaide.* — «Тебя — огонь, сына Агуры Мазды, святаго, владыку закона, почитаемъ мы. Огонь *Berezisavanha* почитаемъ мы. Огонь *Vohu-fryāna* почитаемъ мы. Огонь *Urvāzishta* почитаемъ мы. Огонь *vāzishta* почитаемъ мы. Огонь *Spenishta* почитаемъ мы.» Пехлевійскій комментарий объ огнѣ *vōhū-fryāna* замѣчаетъ: *zak dar tanī anshutāān*—«этотъ — въ тѣлѣ людей»; объ огнѣ *Urvāzishta*: *zak dar ī urvar* — «этотъ—въ растеніи (деревѣ); объ огнѣ *Vāzishta*: *zak shedā spenjrush mahitunit* — «этотъ убилъ демона Спенджрушъ». Объ огнѣ *Spenishta*: *zak dar garōtmān pēsh Ormazd ravan minoih yekoymūnit* — «этотъ въ раю предъ Ормаздомъ въ духовной сферѣ пребываетъ».—См. *Windischmann*, *Zoroastrische Studien*, стр. 87—89; *Spiegel*, *Erānische Alterthumskunde*, II, 48; *Hovelacque*, *L'Avesta, Zoroastre et le Mazdéisme*, стр. 235.

Vaiṣvānara (букв. «принадлежащій всѣмъ людямъ») принимается за одинъ изъ обычныхъ эпитетовъ огня вообще, подобно такимъ эпитетамъ, какъ напр. *jātavedas* — «знающій существа, мудрый», и Людвигъ въ заглавіи пятаго отдѣла 2-го тома своего труда (*Der Rigveda*), гдѣ онъ помѣстилъ всѣ гимны, посвященные Агни, ставитъ: *Agni jātavedās Vaiṣvānara*. — Я хочу показать, что слово *Vaiṣvānara* не было эпитетомъ божества Огня вообще, но специально принадлежало (на ряду съ другими однозначными терминами, каковы *viṣvacarshani*, *sartamānusha* и пр.) одной только разновидности священнаго огня, и что эта послѣдняя противопоставлялась не миеологическимъ разновидностямъ огня, какъ это сдѣлано въ только что указанномъ гимнѣ *Atharva* — Вѣды, а огнямъ совсѣмъ иной категории, — огню домашнему и общинному. Я исхожу изъ той мысли, что у Арійцевъ Семирѣчья культъ огня разбился на три отдѣльныхъ культа. Въ каждомъ домѣ горѣлъ священный огонь, принадлежавшій семьѣ или роду. Семьи группировались въ общины, и каждая община имѣла свой особый огонь, который былъ ея патрономъ и служилъ основою общественнаго культа; общины и цѣлыя племена собирались въ большіе союзы, возникавшіе въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ Семирѣчья въ силу потребности бороться соединенными силами съ дикими не-арійскими племенами — туземцами края, и всякій разъ, какъ образовывался такой союзъ, тотчасъ же учреждался особый союзный, общій культъ, въ центрѣ котораго становился особый огонь — патронъ союза. Этотъ огонь и назывался *Vaiṣvānara*.

Прежде чѣмъ приступить къ специальной задачѣ этого труда, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о концепціи божества Огня вообще у Индусовъ Семирѣчья и аналогичнаго божества Авесты и указать въ какомъ направленіи развивались культы огня у этихъ народовъ послѣ ихъ раздѣленія.

Agni — божество огня и *Soma* — божество священнаго напитка могутъ быть названы, въ отличіе отъ другихъ божествъ, божествами *культа* попреимуществу: они стоятъ, такъ сказать,

въ самомъ центрѣ культа, и безъ ихъ участія этотъ послѣдній былъ бы недѣйствительнымъ. Въ особенности велико значеніе священнаго огня: въ своемъ пламени и дымѣ онъ возноситъ къ богамъ приношенія людей, — жертвенную пищу, напитокъ Сомы, молитвы и гимны. Так. обр. при посредствѣ огня устанавливается связь между людьми и богами, и эта связь одинаково важна, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ. Если люди нуждаются въ покровительствѣ боговъ и стремятся получить отъ нихъ различныя блага, то и боги съ своей стороны нуждаются въ приношеніяхъ и молитвахъ людей. Они, во-первыхъ, питаются той пищей, которую преподносятъ имъ люди въ таинствѣ жертвоприношенія (въ особенности необходимъ для нихъ напитокъ Сомы: онъ укрѣпляетъ, услаждаетъ, вдохновляетъ ихъ). Во-вторыхъ, молитвы и гимны, которые люди возсылаютъ богамъ, обладаютъ особаго рода магической силой — воздѣйствовать на боговъ благотворнымъ образомъ: они поддерживаютъ и укрѣпляютъ въ богахъ ихъ божественность, ихъ мощь, ихъ разумъ. — Мало того. Не только люди и боги заинтересованы въ культѣ, — вся природа находится въ тѣсной связи съ нимъ. Гармонія, царящая въ мірѣ, правильная смѣна дня и ночи, время года, движенія свѣтилъ, прозябаніе растеній — все это поддерживается въ нерушимомъ порядкѣ ничѣмъ инымъ, какъ именно — силою культа. Искони завязаны таинственныя связи между природою и культомъ. Для обозначенія какъ той законосообразности, которая царитъ въ природѣ, такъ и таинственной силы культа въ его соотношеніяхъ съ природою и богами служилъ терминъ *rtam*, возводимый къ корню *ar* — «приводить въ движеніе». Форма *rtam*, по своему происхожденію, есть причастіе прош. страд. въ сред. р. отъ этого корня *ar*; оно обозначаетъ, стало быть, нѣчто «приведенное въ движеніе», нѣчто «пущенное въ ходъ». Но есть основаніе полагать, что къ основному значенію корня *ar* присоединилось также понятіе порядка, стройности, прилаживанія, приспособленія (ср. гр. *ἀραρίσκω*). Принимая во вниманіе этотъ отгѣнокъ, мы опредѣлимъ основное значеніе *rtam* такъ: это нѣчто упорядоченное, организованное, заведенное и пущенное въ ходъ. Въ примѣненіи къ природѣ, *rtam* обозначаетъ тотъ строгій порядокъ, который царитъ въ ней: природа есть своего рода механизмъ, искони упорядоченный и приведенный въ движеніе.

Въ примѣненіи къ культу, *ṛtam* обозначаетъ тотъ порядокъ, который составляетъ, такъ сказать, душу культа и нарушение котораго повлекло бы за собою соотвѣтственныя измѣненія въ самой природѣ и въ отношеніяхъ людей къ природѣ и къ богамъ. Уже въ древнѣйшее время на культовомъ значеніи напластовалось значеніе этическое: *ṛtam* стало обозначать правду, истину, нравственный законъ *). — У Иранцевъ термину *ṛtam* соотвѣтствуетъ (этимологически и семасіологически) слово *ashem*. Подобно индійскому *ṛtam*, оно прежде всего обозначаетъ ту законосообразность, которая царитъ въ природѣ и въ культѣ, и вслѣдъ затѣмъ получило, какъ и инд. *ṛtam*, значеніе этическое. — Понятіе авестійскаго *ashem* разобрано съ большою обстоятельностью Дж. Дармстетеромъ въ первой главѣ его книги «Ormazd et Ahriman» (Paris 1877). Здѣсь же подробно разсѣдовано и значеніе индійскаго *ṛtam* (§ 11). Но Дж. Дармстетеръ впадаетъ въ крайность, отрицая за этими терминами всякое этическое значеніе въ древнее время: оно, по мнѣнію этого ученаго, наслоилось гораздо позже, когда культъ сталъ отступать на второй планъ; въ древнѣйшее же время (т. е. во первыхъ, въ эпоху индоиранскую, а потомъ у Индусовъ въ періодъ ихъ пребыванія въ странѣ семи рѣкъ и у иранцевъ Авесты), *ṛtam* и *ashem* обозначали исключительно *порядокъ* культа и *порядокъ*, господствующій въ мірѣ. Harlez («Origines du zoroastrisme» 1879) и *Hovelacque* («L'Avesta Zoroastre et le Mazdéisme», Par. 1880, стр. 92 и 373 и сл.), возражая Дармстетеру, настаиваютъ на томъ, что уже въ древнѣйшее время идеи нравственныя должны были входить, какъ элементъ и при томъ весьма существенный, въ семасіологическій составъ понятія *ṛtam-ashem*.

Въ самомъ центрѣ культа (а стало быть — и религіознаго и космическаго уклада) стоялъ священный огонь — *Agni* у Индусовъ, *Atarsh* — въ Авестѣ. Это божество, унаслѣдованное инду-

---

*) Для объясненія понятія *ṛtam* болѣе всего сдѣлалъ *Ludwig* сначала въ брошюркѣ «Die religiös. und philosoph. Anschauungen des Rig-Veda», — а потомъ въ 3 емъ томѣ большого труда «Der Rig-Veda», носящемъ заглавіе «Die Mantralitteratur und das alte Indien» (Prag, 1878). См. стр. 284 и сл. — Возрѣнія Индусовъ на культъ и его связь съ богами и природою превосходно изложены *Bernheim* въ первомъ томѣ его соч. «La religion védique» (Paris 1878).

сами и Иранцами отъ эпохи индоиранской и восходящее въ индоевропейскую пра-древность, получило у обоихъ народовъ дальнѣйшее развитіе, и это развитіе направлялось у нихъ далеко не по одному и тому же пути. Правда, основная идея божества огня, его культовое значеніе, его, такъ сказать, общая физіономія остались тѣми-же и являются общимъ фономъ, на которомъ религиозное сознаніе Индусовъ и Иранцевъ воспроизводило различныя, далеко несходныя черты и подробности. Исторія, бытовое развитіе и религиозное сознаніе этихъ двухъ народовъ шли различными путями, и это различіе не могло не отразиться на судьбахъ священнаго огня. Ярче всего проявилось оно въ бытовой роли огня. Вмѣстѣ съ образованіемъ классовъ у Иранцевъ возникли классовые или сословныя и, если можно такъ выразиться, профессиональныя огни. «По воззрѣнію Иранцевъ, ... три огня», — говоритъ Шпигель («Eranische Alterthumskunde», т. II-й, стр. 46) — суть божества — покровители трехъ сословій: жрецовъ, воиновъ и земледѣльцевъ¹⁾. — Объ этихъ огняхъ говорится въ XVII-ой главѣ Бундегеша, гдѣ приведены и ихъ имена, неизвѣстныя изъ текста Авесты: *Frôbak* — огонь жрецовъ, *Gushasp* — огонь воиновъ и *Burzân-Mitrô* — огонь земледѣльцевъ. Въ санскритскомъ комментарий къ *Atâsh-Yasht* (гимнъ огню; этотъ комментарий находится въ рукописи Fonds Burpouf, 5 въ Парижской Biblioth. Nat.) указаны функціи этихъ трехъ огней. Объ огнѣ жреческомъ читаемъ: *ayam agnî âdarapharânaâma asya kâryam âcâryavidyâ idam kila tasmin pakshe âcâryah jûânavantam kriyâvantâçca bhavati*²⁾.... «Этотъ огонь — по имени *Âdarapharâ* (? *Âdara* — перс. *adar*, огонь, *pharâ* — вѣроятно, искаженное *Froba*), его дѣло — наука жрецовъ-учителей, т. е. подъ его покровительствомъ жрецъ-учитель дѣлается ученымъ и дѣятельнымъ...» — Объ огнѣ воиновъ: ... *ayam agnî âdaraguçspanâmâ asya kâryam kshatriyavidyâ idam kila ... pakshe kshatriyâh çighratarâ çûratarâçca bhavanti*.... «этотъ огонь называется *Âdaraguçspa* (*Âdar-Gushasp*); его дѣло — наука князей, т. е. подъ его покровомъ князья (воины) становятся

¹⁾ О сословіяхъ у «Авестійскаго» народа см. *Wilhelm Geiger, Ostiranische Kultur*, 1882, стр. 463 и сл.

²⁾ Привожу, не исправляя многочисленныхъ граммат. ошибокъ текста.

болѣ стремптельными и геройскими...—Объ огонь земледѣльцевъ: *ayam agni âdaraburjîmihiranâmâ asya kâryam karshividya idam kila tasmin pakshê karshikarmminah vyavasâyatarâ karshikarmmajânatarâ ... bhavanti*—» этотъ огонь называется *Âdaraburjîmihira* (*Âdar-Burzin-Mihir*), его дѣло — земледѣльческая наука, т. е. при немъ земледѣльцы становятся болѣ предприимчивыми и болѣ свѣдущими въ земледѣліи...».

Эти сословные огни и ихъ культы возникли уже на иранской почвѣ: они не могутъ быть разсматриваемы какъ наслѣдіе индоиранской древности. Тщетно въ Ригъ-Вѣдѣ будемъ мы искать чего либо подобнаго. Но если у арійцевъ Семирѣчья не развились культы сословныхъ огней, то взаимнъ того у нихъ возникли культы огней иного рода: *семейныхъ* (*родовыхъ, домашнихъ*), *общинныхъ* и *союзныхъ*. Обоснованію этого положенія и посвященъ настоящій этюдъ.

Развитіе этихъ культовъ шло въ ногу съ развитіемъ самой общественности у арійцевъ Семирѣчья.

Начатки культуры, которые арійцы принесли съ собою въ долину Инда, получили здѣсь дальнѣйшее развитіе, совершившееся въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ и завершившееся въ концѣ-концовъ основаніемъ кастоваго порядка. Касты стали намѣчаться только въ самомъ концѣ длиннаго періода, называемаго вѣдійскимъ, въ эпоху, къ которой относятся немногіе поздніе гимны Ригъ-Вѣды и которая составляла переходъ отъ періода вѣдійскаго къ періоду брахманическому. Въ теченіи древнѣйшаго — вѣдійскаго — періода исподоволь развивался, такъ сказать, эмбрионъ будущаго кастоваго порядка — въ процессѣ обособленія и спеціализаціи жреческой профессіи, а равно и въ процессѣ возвышенія нѣкоторыхъ жреческихъ родовъ. Значительное усложненіе и накопленіе обрядовъ, молитвъ, гимновъ, — вообще большое развитіе *культа* требовало спеціализаціи жреческаго дѣла. Условія быта и духъ времени приводили къ тому, что такая спеціализація сосредоточивалась въ извѣстныхъ семьяхъ, хотя доступъ въ жреческую среду не былъ закрытъ для лицъ, не принадлежавшихъ къ жреческимъ семьямъ. Жреческія познанія передавались отъ отца къ сыну, — отецъ-жрецъ готовилъ и своего сына въ жрецы, — поколѣнія, воспитанныя въ одномъ и томъ же направленіи, смѣняли другъ друга и такимъ образомъ въ извѣстныхъ семьяхъ накапливались и передавались

наслѣдственнымъ путемъ опредѣленные качества и таланты, отличавшіе жрецовъ отъ представителей другихъ профессій. Эти качества сводились преимущественно къ развитію ума, воображенія, поэтическихъ и философскихъ стремленій. Жрецы образовали, такъ сказать, интеллигенцію вѣдійскаго періода. Они же были по большей части авторами гимновъ, собранныхъ въ Ригъ-Вѣдѣ. Изучая эти гимны, мы можемъ прослѣдить весь процессъ развитія этой жреческой интеллигенціи, достигшей въ концѣ вѣдійскаго періода той высоты мысли, которая сдѣлала возможнымъ появленіе въ высшей степени замѣчательнаго философскаго гимна X, 129.

Что касается значенія жрецовъ въ общественной жизни, то оно постепенно возростало и приобрѣтало все большіе и большіе размѣры. Это обусловливалось, конечно, многими причинами, но важнѣйшею должно признать слѣдующую. Въ виду необходимости соединенными силами бороться съ дикими туземцами Пенджаба, отдѣльныя арійскія общины группировались въ болѣе или менѣе обширные союзы; основаніе этихъ союзовъ не мыслимо было безъ основанія новыхъ культовъ, а основаніе новыхъ культовъ не мыслимо было безъ участія жрецовъ. Такимъ образомъ въ союзахъ общинъ жрецы получали выдающееся значеніе. Успѣхи союза всецѣло, по понятіямъ времени, зависѣли отъ правильности въ отправленіи сложныхъ обрядовъ союзнаго культа, — судьба союза находилась, стало быть, въ рукахъ жрецовъ. Какъ увидимъ ниже, центръ тяжести индійской общественности постепенно передвигался изъ семьи-рода и общины въ союзъ, — съ тѣмъ вмѣстѣ и жрецы, тяготѣя къ этому центру, приобрѣтали все болѣе и болѣе вліянія и силы. Такъ подготовлялась Индія кастъ, Индія брахманическая.

§ 1. Священные огни—Agnayas.

Agnayas огни (во множ. числѣ) упоминаются неоднократно въ гимнахъ Ригъ-Вѣды. Въ молитвенныхъ обращеніяхъ мы встрѣчаемъ формулу «Agnir agnibhih» — «Агни (съ) огнями» или «Agnir visvebhir agnibhih» — Агни (со) всеми огнями (I, 26, 10; III, 24, 4; VI, 12, 6; VIII, 18, 9; VIII, 60, 1; X, 141, 6). Изъ указанныхъ мѣстъ не видать, что это за «огни». Единствен-

ный выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ этихъ стиховъ, сводится пока къ тому, что Арийцы Семирѣчья поклонялись не одному Агни, но нѣсколькимъ или многимъ огнямъ. Въ стихѣ III, 22, 4 упоминаются *огни земные и водные* (или, точнѣе, *живущіе въ потокахъ*) — *purīshyāso agnaṃaḥ grāvanebhīh sajośhāsah.* *) Отсюда видно, что признавались различныя огни — на землѣ и въ водѣ. Насъ пока интересуютъ огни земные, — они-то, какъ намъ кажется, и подразумеваются въ формулахъ «Агни съ огнями» и «Агни со всеми огнями».

Быль, слѣдов., не одинъ земной Агни, — ихъ было нѣсколько или много. Какова природа каждаго изъ нихъ? Въ чемъ ихъ отличія? Въ стихѣ I, 59, 1 читаемъ: «прочіе огни суть твои именно вѣтви, о Агни ... Ты—пупъ (средоточіе) племенъ, о Vaiṣvānara...» Такимъ обр. изъ числа огней выдѣляется одинъ, относящійся къ другимъ, какъ стволъ—къ вѣтвямъ, и характеризуемый эпитетомъ *vaiṣvānara* — буквально «принадлежащій всеъмъ людямъ». Онъ—ихъ средоточіе. Термину *vaiṣvānara* равносильенъ терминъ *viṣvacarshani* (принадлежащій всеъмъ людямъ) и нѣкоторые другіе, употребляющіеся для отличенія этого важнѣйшаго огня, этого ствола, отъ другихъ огней, — его вѣтвей. Ниже будетъ показано, что къ такому же огню относится и стихъ VIII, 19, 33, гдѣ между прочимъ говорится: «другіе огни примыкаютъ къ тебѣ, какъ вѣтви.....»

Если огонь «всенародный», огонь, принадлежащій совокупности или союзу племенъ или общинъ, противопоставляется другимъ огнямъ, какъ стволъ — вѣтвямъ, то каковы могутъ быть эти другіе огни, эти вѣтви? Очевидно, это огни отдѣльныхъ племенъ, общинъ, родовъ, семей. Если стволъ—это Агни *Vaiṣvānara*, *Viṣvacarshani*, то вѣтвями будутъ, между прочимъ, Агни общинный или «владыка общины» — *viṣpati* и Агни семейный, домашній—*damānas*, онъ же «владыка дома»—*Grhapati*. Я хочу доказать, что эпитеты *vaiṣvānara* (*viṣvacarshani*), *viṣ-*

*) *Purīshya* Грассманъ переводитъ «im Dunste wohnend», но Ротъ доказалъ, что *purīsha* значило не *Dunst, Nebel* и пр., а *Land, erdiges*, и производныя *purīshin* и *purīshya* значили *bodenreich, Land und Boden habend, darauf befindlich, darüber sich ausbreitend.* (Zeitschr. für vergleich. Sprachforsch. XXVI, I, 63, 65).

pati, damānas (Grhapati) относятся не къ одному и тому-же огню, что это—эпитеты *различныхъ* земныхъ или культурныхъ огней.

§ 2. *Viç*. Сперва необходимо опредѣлить съ возможной точностью значеніе слова *viç*. Значенія, приводимыя Грассманномъ, — 1) Haus, Wohnung, 2) Haus, Familie — должны быть вычеркнуты. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ Грассманнъ переводитъ *viç* *домъ, жилище*, Людвигъ переводитъ *stamm, geschlecht, leute, menschen*. (I, 114, 3; I, 117, 2, I, 172, 3; I, 94, 5; I, 96, 4; I, 58, 3; I, 45, 6; I, 60, 2, 4; I, 66, 4, 6; I, 148, 1; II, 4, 2, 3; II, 21, 3; II, 31, 2; III, 5, 3; IV, 6, 2; IV, 37, 1, 3; IV, 6, 7, 8; IV, 9, 2; V, 3, 5; V, 22, 1; V, 17, 4; VI, 1, 6; VI, 2, 7; VI, 5, 3; VI, 21, 4; VI, 41, 5; VII, 73, 4; VII, 9, 2; VII, 74, 1; VII, 31, 10; VII, 34, 12; VII, 43, 5; VII, 56, 22; VII, 61, 3; VII, 70, 3; VII, 104, 18; VII, 67, 7; VIII, 28, 3; VIII, 23, 10, 13; VIII, 71, 11; VIII, 6, 24; VIII, 71, 15; IX, 38, 4; X, 43, 6; X, 91, 2; X, 92, 14; X, 46, 6; X, 7, 5; X, 40, 14; X, 48, 8; X, 61, 15; X, 79, 2; X, 87, 10; X, 1, 4; X, 15, 2; X, 79, 1). Кто правъ? Въ огромномъ большинствѣ этихъ мѣстъ смыслъ (контекстъ) допускаетъ переводить и по Грассманну и по Людвигу. Но вотъ три мѣста, гдѣ *нельзя* или, по крайней мѣрѣ, *неудобно* переводить *домъ* (по Грассманну): VII, 56, 22 *saṃ yad dhananta manyubhir janāśah çūrā yāvīshu oshadhīshu vikshu | adha smā no maruto rudriyāsas tratāro bhūta prtanāsv aryah* || Людвигъ: «wenn mit wut zusammenlaufen die leute, die helden in den jugendlichen *geschlechtern* (vikshu) der pflanzen (in den fluren), | da werdet, Marut, Rudrakräftige, uns retter, in den schlachten mit dem feinde». Я согласенъ съ Людвигомъ, что здѣсь *vikshu* не годится переводить «въ домахъ»: дѣло идетъ о сраженіяхъ съ неприятелемъ и дѣйствіе происходитъ гдѣ нибудь на поляхъ, въ лѣсахъ, но ужь конечно не въ домахъ. Если бы дѣло шло о неприятелѣ, вторгнувшемся въ дома, то на помощь призывались бы не Маруты, *божества вѣтровъ и бурь*, а скорѣе — боги домашніе, защитники очага, покровители жилищъ, — Soma, Agni, Vāstoshpati и др. — Приведенный стихъ я перевелъ бы такъ: когда въ ярости будутъ сражаться люди—герои *на рѣкахъ* (yāvī перевожу по Грассм. — рѣка), на поляхъ (oshadhīshu — букв. «среди растений»), въ *общинахъ* (vikshu), — то будьте, о Маруты, чада Рудры, нашими покровителями въ битвахъ съ врагомъ!» Помоему, oshadhīshu обозна-

часть здѣсь земли не культивированная, поросшая всякой растительностью, а *vikshu* — владѣнія общинъ, земли обработанная, или же луга (пастбища), принадлежащая общинамъ.

VII, 61, 3: *proror mitrāvarunā prthivyāh pra diva rshvād brhatah sudānū | spaṣo dadhāthe oshadhīshu vikshu rdhag yato animisham rakshamānā* || «отъ широкой земли, о Митра-Варуна, съ великаго, высокаго неба, о обладатели прекрасныхъ благъ (или: прекрасно-одаренные), вы поставили соглядатаевъ на поляхъ (*oshadhīshu*) (и) въ общинахъ (на общинныхъ земляхъ, *vikshu*), — (соглядатаевъ) далеко (всюду) проникающихъ,—(вы) бодрствующіе, не смежая глазъ». *Vikshu* я перевожу какъ въ предыдущемъ стихѣ. Переводить *въ домахъ* — неудобно и даже невозможно, если подъ соглядатаями Варуны будемъ понимать звѣзды.

X, 48, 8: *aham guṅgubhyo atithigvam ishkarām ishām na vrtraturam vikshu dhārayam | yat parṇayaghna uta vā karañjāhe prāham mahe vrtrahatye aṣuṣravi* || (говоритъ Индра:) «я племени (роду) Гунгу вооружилъ Атитхигву, я стяжалъ (или же организовалъ) въ общинахъ (*vikshu*) какъ бы силу, одоляющую Вртру, | когда при убіеніи Парнаи или же Каранджи я прославился въ великомъ сраженіи съ Вртрою.» Людвигъ переводитъ здѣсь *vikshu* — *unter den menschen*, что въ сущности равносильно моему переводу «въ общинахъ». Грассманново «въ домахъ» тутъ, конечно, не идетъ: не въ домахъ воздвигъ Индра «силу» противъ Вртры — *демона тучъ*. Правда, *vrtra* значило также *врагъ*, но опять таки не въ домахъ воевалъ Индра съ врагами арийцевъ.

Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ Грассманнъ переводитъ *домъ, семья*, Людвигъ переводитъ *stamm, schar, mensch, volk, geschlecht*. (I, 93, 8; I, 27, 10; I, 121, 1; II, 26, 3; II, 4, 1; III, 2, 2; IV, 7, 1, 2, 4; IV, 4, 3; V, 6, 3; V, 8, 5; V, 18, 1; VI, 15, 14; VI, 49, 2; VII, 56, 5; VII, 42, 4; VII, 33, 10; VIII, 74, 1; IX, 86, 15; IX, 97, 30; X, 40, 1, 6; X, 152, 2; X, 141, 1). Кто правъ? Контекстъ позволяетъ переводить и по Грассманну и по Людвигу, кромѣ стиха X, 152, 2, гдѣ переводъ Грассманна (*viç*—семья) абсолютно—невозможенъ: здѣсь Индра названъ *viças-pati* — владыкой общины (или же племени, Ludwig: *fürst des stammes*). Индра никогда не былъ божествомъ домашнимъ или

семейнымъ, владыкой семьи, — онъ всегда былъ князь — общины, племени, племенъ, народа, Арийцевъ. ¹⁾

Итакъ, есть мѣста, гдѣ слово *viç* не можетъ быть переводимо *домъ*, *семья*. Съ тѣмъ вмѣстѣ мы думаемъ, что оно и не имѣло этихъ значеній, и повсюду, гдѣ оно встрѣчается, его слѣдуетъ переводить либо *племя*, либо *община*, часто *село*, *весь*, иногда *люди*. Zimmer переводитъ *Gau*, *pagus*: «die nächste Unterabtheilung des stammes ist der *Gau*; sein einheimischer Name ist *viç* ..... (Altindisch. Leben, 159). — ... Eine Vereinigung diser Sippen, clane (ind. grāma, vrjana, iran. vis, ital. gens, germ. vicus slav. родъ, обьштина) zu einem Grösseren Ganzen ist bei den Indern die *viç*, Eraniern *zan̄tu* (*shôidra* Yaç. 31, 18), Ital. *tribus*, Germanen *pagus*, Slaven плѣма.» (ib).

Мы думаемъ, что основнымъ значеніемъ *viç* было *община*, *село*, *весь*, но что оно могло видоизмѣняться во времени и въ пространствѣ и переходило въ значеніе *племя*, быть можетъ, — *покольнія*, наконецъ — во множ. числѣ — часто значило просто *люди*, подъ которыми однако же разумѣлись собственно Арийцы, Индусы. — Къ понятію *племени* и *покольніи* ближе подходитъ терминъ *kshili* во множ. числѣ (*kshilayas*), а также *krsh̄ti* — во множ. (*krsh̄tayas*), употреблявшееся для обозначенія племенъ земледѣльческихъ, коихъ было пять (*pañca krsh̄tayas*).

Итакъ, напр. терминъ *viçpati* мы будемъ переводить *владыка общины* или *веси* (*села*), иногда — *властитель племени* или *племенъ*, иногда просто — *владыка людей*, но никогда — *владыка дома* или *семьи*.

§ 3. Огонь домашній или семейный — Gr̄hpati.

Былъ *домашній* священный огонь, который горѣлъ въ каждомъ домѣ.

I, 71, 4: mathid yad im vibhrto mātariçvā gr̄he — gr̄he çyeto jenu bhūt... когда славный (?) Матарившанъ добылъ его

¹⁾ Въ ст. X, 28, 8 (devāsa āyan paraçñīr abibhran vanā vr̄çanto abhi *vidbh̄ir* āyan ..... «боги пришли, принесли сѣкиры; раскалывая деревья, они явились (вмѣстѣ съ) *покольніями* людей (*vidbh̄ih* ....) Грасем. не даетъ значенія *vidbh̄ih*, стави «?», Ludw. переводитъ mit den menschen. Перевести «домъ» — нельзя, «семья» невѣроятно.

посредствомъ тренія, (и) свѣтлый сталъ уроженцомъ въ каждомъ домѣ¹⁾....

I, 128, 4: sa sukratuh purohito dame—dame 'gnir yajñasyā-dhvarasya cetati kratvā yajñasya cetati — этотъ Агни, мудрый жрецъ, надзираетъ надъ жертвоприношеніями въ каждомъ домѣ, силою разума надзираетъ надъ жертвою....

III, 29, 15 (вторая половина)..... dyumnavad brahma kuṣi-kāsa erira eka—eko dame agnim sam īdhire—свѣтлую молитву Кушики воздвигли, каждый въ (своемъ) домѣ — зажгли огонь.

V, 11, 4: agnir no yajñam ura vetu sādhuṃyāgnim nago vi bhāranṭe gr̥he—gr̥he.... Агни да вкуситъ нашу жертву правильнымъ образомъ, люди распредѣляютъ Агни по домамъ...

VIII, 102, 11.... Агни-старѣйшій въ домахъ.

Этотъ огонь характеризуется эпитетами *dama* — домашній, домовый (III, 2, 8; VIII, 23, 24), *dampati* — домовладыка (V, 22, 4; VIII, 84, 7), *damūnas* — домашній (I, 60, 4; III, 2, 15; III, 3, 6; III, 5, 4; IV, 4, 11; IV, 11, 5; V, 1, 8; V, 4, 5; V, 8, 1; X, 91, 1) *gr̥hapati* — домовладыка (I, 12, 6; I, 36 5; I, 60, 4; IV, 9, 4; IV, 11, 5; V, 8, 1; VII, 1, 1; VII, 15, 2; VII, 16, 5; VIII, 102, 2; X, 91, 10; X; 118, 6; X, 122, 1).

Нѣкоторыя изъ цитированныхъ мѣстъ требуютъ ближайшаго разсмотрѣнія, преимущ. тѣ мѣста, гдѣ термины *damūnas* и *gr̥hapati* не относятся къ огню исключительно — домашнему. I, 60, 4. Термины *damūnas* и *gr̥hapati*, усиливая другъ друга, указываютъ намъ на огонь домашній: *damūnā gr̥hapatir dama ān agnir bhuvad gauṛpatī gauṛnām*—«домашній, домовладыка въ домѣ, Агни да будетъ владыкою богатствъ!» Такъ гласитъ вторая половина стиха,—въ первой же говорится, что Агни въ качествѣ жреца былъ поставленъ *vikshu*, т. е. въ общинахъ или селахъ. Въ такомъ случаѣ это уже не домашній огонь, это—огонь общинный, сельскій—*Agnir vic̥ratih*, тотъ самый, о которомъ совершенно опредѣленно говорится въ стихѣ 2 мѣ того-же гим-

¹⁾ *Vibhrta* — собств. «распространенный, расширенный, раздѣленный». Ludwig переводитъ *weitverbreitete*. Миѣ кажется, что слово легко могло получить значеніе «знаменитый», «общезвѣстный», «популярный», «славный». — Матариванъ употребляется частью какъ одинъ изъ эпитетовъ Огня, частью же — какъ собств. имя мифической личности, которой приписывается открытіе огня. Въ нашемъ стихѣ имѣетъ мѣсто послѣдній случай.

на: . . . *ny asādi hotā . . . viṣpatir vikshu*... «жрецомъ основался (былъ посаженъ) сельскій владыка въ селахъ (общинахъ)». И такъ, Агни въ 1-ой половинѣ стиха I, 60,4 есть Агни *viṣpati* (общинный), Агни же второй половины того-же стиха есть Агни *gṛharatī*—домашній. Противурѣчія тутъ нѣтъ: эти два огня другъ другу противопоставляются (а не отождествляются). Весь стихъ гласитъ: «стремящійся (къ людямъ), свѣтлый (чистый, просвѣтляющій), *Vasu* (или превосходный), возделѣнный жрецъ былъ поставленъ въ человѣческихъ общинахъ; домашній, домовладыка въ домѣ, Агни да будетъ владыкой богатствъ!» Чтобы уяснить себя смыслъ того противопоставленія, которое я усматриваю здѣсь, нужно принять во вниманіе слѣдующее. Въ гимнѣ идетъ рѣчь объ Агни—благодѣтель людей, основателѣ ихъ благосостоянія. (Въ этомъ смыслѣ онъ названъ владыкой богатствъ). При этомъ вкратцѣ воспроизводится, такъ сказать, исторія открытія огня и распространенія его культа: Матарिशванъ принесъ впервые огонь, имъ открытый, въ даръ роду *Bhr̥gu*. Отъ рода *Bhr̥gu* получили огонь и другія общины, и Агни сталъ владыкою каждаго села. То же самое повѣствуется и въ гимнѣ IV, 7, гдѣ, въ стихѣ 4-мъ, говорится, что люди распредѣлили огонь по селамъ или общинамъ (*viṣe-viṣe*), а въ стихѣ 3-мъ,— что Агни явился жрецомъ (буквально: увеселителемъ всѣхъ жертвоприношеній) въ каждомъ домѣ (*dame-dame*). Тутъ очевидное противопоставленіе двухъ огней: одного, распредѣленнаго по селамъ,—другому, распредѣленному по домамъ. (Ср. V, 11, 4: «люди распредѣляютъ огонь по домамъ» и подоб. мѣста, цитированныя выше). Такое точно противопоставленіе я усматриваю и въ ст. I, 60,4. Огонь былъ открытъ Матарिशваномъ, который подарилъ его роду *Bhr̥gu*; отъ *Bhr̥gu* получили огонь различныя общины; изъ общинъ огонь перешелъ въ семьи, въ отдѣльныя дома,—и рядомъ съ огнями общественными возсіяли огни домашніе.

Концепція *домашняго* огня, отличнаго отъ другихъ огней—общиннаго и союзнаго (принадлежащаго союзу общинъ—*vaīśvānāga*), довольно отчетливо просвѣчиваетъ въ гимнѣ V, 4, гдѣ, въ стихѣ 5-мъ, Агни названъ *damūnās* и *atithir durone*—«домашнимъ» и «гостемъ въ домѣ», а въ ст. 2-мъ выражена просьба, чтобы онъ принесъ въ своихъ лучахъ дары или блага, подобающія хорошему домохозяйству: *sugārhapatyāḥ sam isho di-*

dīhi¹⁾)... Съ другой стороны, стихъ 3-й указываетъ на Агни союзнаго, который здѣсь названъ «мудрымъ владыкой человѣческихъ общинъ». Я склоненъ думать, что этотъ стихъ (быть можетъ, вмѣстѣ съ слѣдующимъ за нимъ стихомъ 4-мъ) внесенъ сюда, въ этотъ гимнъ огню домашнему, изъ какого-нибудь другого гимна, посвященнаго огню союзному. Стихъ 3-й какъ-то не вяжется съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Весь гимнъ, кромѣ стиховъ перваго и послѣдняго (11) и разсматриваемаго 3-го, составленъ въ формѣ молитвенныхъ обращеній къ Агни: дай намъ дары семейственные (ст. 2), вкуси наше возженіе и приведи къ жертвѣ боговъ (4), прійди къ этой жертвѣ (5), охрани насъ (6) и пр. Стихи 1-ый и 11-ый (послѣдній), хотя и построены въ другомъ духѣ, но прекрасно подходятъ къ гимну,—первый—въ качествѣ вступленія («Тебя, о Агни, прославлю я,—владыку богатствъ...»), а послѣдній—какъ заключеніе или обоснованіе всего предыдущаго («кому, хорошо исполняющему обряды культа, о Агни, ты даруешь радостный просторъ²⁾, тотъ пріобрѣтаетъ во благо богатство, состоящее изъ коней, сыновей, мужей...»). Зато заподозрѣнный нами стихъ 3-й не подходитъ къ общему тону гимна. Онъ гласитъ: «мудраго владыку общинъ людскихъ, свѣтлаго, сіяющаго (чистаго, просвѣтляющаго), коего спина умащена растопленнымъ масломъ,—Агни вы поставили жрецомъ,—онъ да стяжаетъ богамъ избранные (драгоценныя) дары». Это «вы поставили» не объясняется ни предыдущимъ, ни послѣдующимъ, и весь стихъ—среди стиховъ, содержащихъ въ себѣ вышеприведенныя молитвенныя обращенія,—находится не на своемъ мѣстѣ.

Домашнему огню былъ посвященъ, какъ намъ кажется, и гимнъ V, 8, въ первомъ стихѣ коего мы встрѣчаемъ эпитеты *damīnas* и *gr̥haratī*. Эпитетъ *gr̥haratī* находится и во второмъ стихѣ, но—въ соединеніи съ терминами, неволью вызывающими представленіе огня союзнаго: «тебя, о Агни, исконнаго гостя, общины посадили свѣтлогривымъ домовладыкою...». Гостемъ общинъ (*atithir viçām*) неоднократно именуется огонь союзный (*vaiçvānara*),—и едвали можно сомнѣваться въ томъ, что о немъ

¹⁾ Въ С.-Петербург. словарѣ предложено читать *sug̥r̥haratyañ*—въ Имен. ед. и понимать это слово, какъ эпитетъ Агни—«добрый домовладыка».

²⁾ Это значитъ: «кому ты благодѣтельствуешь».

и идетъ здѣсь рѣчь. Но онъ же названъ здѣсь и домовладыкою. Противорѣчіе—тутъ лишь кажущееся: огонь, который былъ исконнымъ (или древнимъ, первымъ) гостемъ общинъ, сталъ потомъ домашнимъ, семейнымъ; изъ общинъ онъ перешелъ въ семью,—мысль, съ которою мы познакомились выше, разбирая гимнъ I, 60. Зато въ стихѣ 5-мъ гимна, нынѣ разсматриваемаго, мы наталкиваемся на болѣе серьезное затрудненіе,—на образъ, не согласующійся съ концепціей огня домашняго и указывающій на огонь союзный: здѣсь говорится, что Агни даетъ силу каждой общинѣ (*viçe-viçe*). На этотъ разъ противорѣчіе даннаго стиха съ другими стихами гимна не можетъ быть принято за кажущееся: здѣсь нѣтъ противопоставленія. Я склоненъ думать, что это стихъ прибудный. Дѣло въ томъ, что всѣ стихи гимна, кромѣ 5-го, начинаются одинаково—винит. пад. мѣстоим. 2-го лица *tvām*—тебя: тебя воспламенили древніе.... тебя поставили владыкой дома.... тебя умоляютъ и т. д. Одинъ только стихъ 5-ый начинается иначе—именит. пад. *tvam*—ты.

Для опредѣленія понятій *огня домашняго* и *огня общиннаго* важны первые два стиха гимна X, 91. Въ стихѣ 1-мъ Агни названъ *damīnas*, и сказано, что онъ возжигается въ домѣ. Стихъ 2-ой гласитъ: *sa darçataçrīr atithir grhe-grhe vane-vane çirīye takvavir iva | janam-janam janyo nāti manyate viça ā ksheti viçyo viçam-viçam*.—«Этотъ блистательный гость является въ каждомъ домѣ, какъ птица—на каждомъ деревѣ; никакимъ людомъ онъ не брезгаетъ, дружественный людямъ; во всякой общинѣ живетъ онъ, дружественный общинамъ». Тутъ ясно различаются понятія огня домашняго и огня общиннаго. Последний названъ *viçya* (отъ *viç*—община—съ суфф. *ya*)¹⁾.

¹⁾ Любопытно здѣсь слово *janya*, поставленное параллельно слову *viçya*. Какъ это послѣднее—отъ *viç*, такъ *janya* образовано посредствомъ того же суфф. *ya* отъ *jana*—человѣкъ, племя, народъ. Къ сожалѣнію, трудно опредѣлить точнѣе значеніе этого термина—*janya*. Въ ст. II, 37, 6 Агни призывается въусить молитву, и эта молитва названа *janya*: *brāhma janyam*. Можно перевести: молитва человѣческая или народная. Въ ст. IV, 55, 5 находимъ любопытный параллелизмъ терминовъ *janya* и *mitriya*, отнесенныхъ къ слову *am̐has*—тѣснота, ущербъ, бѣда:.... *pāt patir janyād am̐haso no mitro mitriyād uta na urushyet*.—Ludw.: der Herr schützt uns vor bedrängnis, die von menschen, Mitra vor der, die von ihm selber komt. Я перевожу: да охранитъ насъ Владыка отъ тѣсноты (бѣды), происходящей отъ людей (вообще), Митра да освободитъ насъ отъ тѣсноты (бѣды), происходящей отъ соотчичей (одно-

Эпитетъ *grhapati* въ ст. I, 36,5 не можетъ относиться исключительно къ огню домашнему, ибо тутъ-же, въ томъ же стихѣ, Агни названъ *dūto viçām*—«вѣстникомъ общинъ». Этотъ послѣдній терминъ можетъ обозначать либо Агни общиннаго (*viçpati*), либо, что вѣроятнѣе, Агни союзнаго (*vaiçvāpaṅa*). Я думаю, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ именно объ Агни *vaiçvāpaṅa*, что видно въ особенности изъ стиха 1-го: «къ вашему юному (чаду) многихъ общинъ благочестивыхъ—Агни прибѣгаемъ мы съ молитвами, правильно изрѣченными,—къ нему, коему молятся и другіе». Въ гимнахъ Ригъ-Вѣды неоднократно встрѣчаются выраженія въ родѣ: «вашъ Агни». Было много *однородныхъ* огней: домашнихъ или семейныхъ было столько же, сколько было отдѣльныхъ семей, общинныхъ столько, сколько общинъ. Не одинъ былъ и огонь *vaiçvāpaṅa*: очевидно, огней союзныхъ было столько, сколько составлялось союзовъ общинъ, причемъ часто значеніе огня *vaiçvāpaṅa* могло быть приобретаемо огнемъ той или другой общины изъ входившихъ въ составъ союза и даже огнемъ какой-либо вліятельной семьи, игравшей руководящую роль въ союзѣ. Представимъ себѣ подобный случай: огонь какой-нибудь семьи сталъ *союзнымъ* для цѣлой группы общинъ. Жрецы (составлявшіе нѣчто въ родѣ сословія или профессіи, но еще не замкнувшіеся въ касту) приходятъ совершить торжественное служеніе этому огню. Обращаясь къ представителямъ данной семьи, владѣющей этимъ огнемъ, жрецы поютъ: «мы пришли поклониться *вашему* огню, который сдѣлался представителемъ многихъ благочестивыхъ общинъ,—которому молятся и *другіе* (кромѣ членовъ данной семьи)...» (I,36,1). Обращаясь къ самому огню, жрецы поютъ: «О Агни, жрецъ, *домовладыка*, ты—вѣстникъ общинъ» (ст. 5), т. е. оставаясь домовладыкой этой семьи, ты въ то же время сталъ избранникомъ общинъ, ты превратился въ Агни *Vaiçvāpaṅa* для даннаго союза общинъ.

Разматриваемый гимнъ I,36 посвященъ огню семьи (рода) *Каува*, превратившемуся въ Агни *Vaiçvāpaṅa* для цѣлаго союза общинъ. Тому же огню *Каувовъ* посвящены и гимны I,44 и

сельчанъ, друзей). По моему взгляду, который здѣсь я не могу развить, *Митра* былъ прежде всего божествомъ союза, общины, а слова *mitra* (нарицат.) значило не только «другъ», но также сотоварищъ, соотчичъ, односельчанинъ.

91881

Центральная Научная Библиотечка

Центральная Научная Библиотечка при ХДУ
к.б. 1

I,45. Во всѣхъ трехъ мы находимъ отрывки изъ семейныхъ традицій Канвовъ. Такъ, въ стихѣ I,36,8 сказано, что свѣтлый быкъ, Агни, объявился (bhuvat) у Канвы, послѣ того какъ люди одолѣли врага (или Вртру-демона тучь и зла) и завоевали для житья два міра (небо и землю), воды и просторъ. Было много преданій, относившихся къ установленію и распространенію культа огня, и эти сказанія большею частью соединялись съ воспоминаніями о борьбѣ арійцевъ-огнепоклонниковъ съ туземными племенами, не поклонявшимися огню или огнямъ арійцевъ. Таково и разсматриваемое преданіе: нѣсколько арійскихъ общинъ, соединившись подъ верховенствомъ Канвовъ, завоевываютъ у туземцевъ воды и просторъ для жизни и съ тѣмъ вмѣстѣ приобрѣтаютъ «два міра», т. е. небо и землю,—установленіемъ общаго культа огня: огонь былъ посредникомъ между землею и небомъ, при посредствѣ огня люди общались съ небомъ, съ богами и въ то же время упрочивались на землѣ. И вотъ тогда-то Агни сталъ «свѣтлымъ быкомъ» у Канвовъ, т. е. семейный Агни Канвовъ сталъ княземъ союза общинъ. «Быкъ», и въ особ. «свѣтлый быкъ»—это былъ терминъ, равносильный термину «владыка» или «князь» (о чемъ см. въ моей брошюрѣ «Къ вопросу о быкѣ въ религ. представленіяхъ древняго Востока», Одесса, 1885). Въ ст. 10-мъ того же гимна говорится, что этотъ огонь былъ данъ людямъ (manave) богами въ качествѣ священнѣйшаго (или наилучшаго жреца), но что его взлелѣяли Kanva Medhyātithi, Vrshan и Upastuta,—очевидно родоначальники или важнѣйшіе представители рода Канвовъ. Въ ст. 17-мъ говорится, что этотъ Агни далъ счастье Канвѣ и помогъ Medhyātithi (тому-жъ Канвѣ) и Upastutѣ при стяжаніи добычи,—очевидно отрывки изъ родового героическаго эпоса Канвовъ.

Гимнъ I,44 представляетъ собою прекрасную молитву этому же огню Канвовъ. Его значеніе, какъ огня Vaiṣvānara, указывается, какъ я думаю, стихомъ 7-мъ, гласящимъ: hotāram viṣvavedasam sam hi tvā viṣa indhate—«тебя, жреца всезнающаго, возжигаютъ общины» (Людвигъ переводитъ «menschen»), и ст. 9-мъ, гдѣ сказано: patir hy adhvaṅānām agne dūto viṣām asi—«ибо владыка жертвоприношеній, ты, о Агни,—вѣстникъ общинъ»^{*)}). На его принадлежность роду Канвовъ указываетъ

^{*)} Сюда же можно отнести ст. 10.... asi grāmeshu avitā—«ты помощ-

стихъ 8: «Канвы, изготовляющіе напштокъ Сомы, зажигаютъ тебя...». Въ ст. 6-мъ упоминается Praskanva, очевидно современный гимну представитель рода Канвовъ (милитвенное обращеніе къ Агни о продленіи его жизни).

Того-же сорта и гимнь I,45. Въ ст. 3-мъ находимъ обращеніе къ Агни—услышать зовъ (молитву) Praskanva (очевидно того же самого, о которомъ упоминаетъ ст. I, 14, 3), подобно тому, какъ внималъ Агни молитвамъ Пріямедхи (Priyamedha), Атри Вирупы и Ангираса. Въ слѣдующемъ стихѣ 4-мъ, какъ бы для примѣра, указывается случай, когда родъ Пріямедховъ взывалъ къ Агни о помощи. Стихъ 5-й гласитъ:... «услышь эти мольбы, которыми сыны Канвы призываютъ тебя на помощь!». На значеніе Vaiṣvānara, принадлежащее этому огню Канвовъ, указываетъ ст. 6-й: «тебя, о препрославленный, роды (или люди) призываютъ въ общинахъ...».

Роду Канвовъ приписываются (по Anukramāṇī) также гимны I, 12—23, посвященные различнымъ божествамъ. Въ самомъ текстѣ имя Канвовъ упомянуто въ ст. I, 14, 2: «къ тебѣ (Агни) воззвали Канвы...». Въ этихъ гимнахъ мы не нашли какихъ-либо указаній на Агни Vaiṣvānara, т. е. на то, чтобы огонь Канвовъ признавался огнемъ союза общинъ. Лишь въ ст. I, 12, 2 Агни названъ *viṣṛati*, что указываетъ только на его общинное значеніе. Всѣ эти гимны I, 12—23, приписываемые Medhātithi Канва, на мой взглядъ возникли въ эпоху, когда огонь Канвовъ еще не пользовался значеніемъ союзнаго Vaiṣvānara, и хронологически предшествовали гимнамъ I, 36 (приписываемому Канва Ghaṅga) и I, 44 и I, 45 (приписываемымъ Praskanva Канва), относящимся ко времени, когда огонь Канвовъ былъ возведенъ на степень огня союзнаго. До того онъ могъ имѣть только значеніе общиннаго владыки—*Viṣṛati*—въ той общинѣ, къ которой принадлежалъ родъ Канвовъ, на что повидимому намекаетъ стихъ I, 12, 2.

Роду Канвовъ принадлежитъ много гимновъ VIII-го Mandala. Изъ нихъ посвящены огню гимны VIII, 11 (Vatsa Kanva), VIII, 19 (Sobhari Kanva), VIII, 39 (Nabhaka Kanva), VIII, 40 (его же; Агни вмѣстѣ съ Индрой), VIII, 103 (Sobhari Kanva).

никъ общинъ или точнѣе въ общинахъ. Людвигъ переводитъ grāmeshu «bei den bewaffneten scharen». Здѣсь же эпитетъ *mānuka*—«человѣчскій»—синонимъ vaiṣvānara.

Въ гимнѣ VIII, 11 находимъ указаніе на значеніе этого огня— какъ Vaiṣvānara:... «ты властелинъ надо всеми общинами» (ст. 8-й:.... *viṣo viṣvā anu grabhuh*). Въ гимнѣ VIII, 19 это значеніе оттънено гораздо отчетливѣе. Сюда относится прежде всего ст. 33: «О ты, Агни, къ которому друіе огни примыкаютъ какъ вѣтви! Я приобрѣтаю, какъ гимны, величіе людей, умножая твою власть», т. е. Канва увеличиваетъ власть *своею* огня (который въ то же время является огнемъ цѣлаго союза) тѣмъ, что привлекаетъ къ союзу новыя общины, которыхъ огни примыкаютъ къ огню Канвовъ какъ вѣтви—къ стволу, и съ тѣмъ вмѣстѣ онъ—Канва Sobhari—приобрѣтаетъ величіе среди людей,—какое онъ и приноситъ къ стопамъ своего огня, какъ приносятъ ему гимны. Къ стиху 10-мъ выражена аналогичная мысль: «у кого надъ жертвою ты вздымаешься (*urdhvo adhvarāya tishthasi*), тотъ преуспѣваетъ, властвуя надъ мужами; онъ выигрываетъ дѣло (?) при посредствѣ коней, жрецовъ и героев»¹). Любопытенъ также стихъ 32 й: «мы, родъ Sobhari, прибѣгли къ нему за помощью..... (къ нему) верховному повелителю князя Трасадасью».

Въ гимнѣ VIII, 39 обратимъ вниманіе на выраженіе стиха 5-го: *sa hotā sacvatīnām*, т. е., очевидно, *viṣām*²) «онъ—жрецъ всѣхъ общинъ». Понимать-ли подъ этимъ выраженіемъ извѣстную группу общинъ или слѣдуетъ усматривать здѣсь намекъ на то, что культъ огня Канвовъ распространился среди всѣхъ Арійскихъ племенъ Семирѣчья? Я ставлю этотъ вопросъ потому собственно, что ниже, въ ст. 8-мъ, мы находимъ слѣдующее: *yo agnih saptamānushah cṛito viṣveshu sindhushu | tam āganma*.... «мы пришли къ этому Агни, принадлежащему семи племенамъ, пребывающему на всѣхъ рѣкахъ.....». Мнѣ кажется, въ виду этого мѣста слѣдуетъ выраженіе стиха 5-го—«жрецъ всѣхъ общинъ»—

¹) *Uasya tvam ūrdhvo adhvarāya tishthasi kshayadvīrah sa sādgate | so arvadbhīh sanitā sa vipanyubhīh sa cūrah sanitā kṛtam*—Ludwig: bei des opfer du aufrecht stehst, als beherrscher der männer führt er glücklich aus; er gewinnt mit rennern, er mit den liederkundigen brāhmana 's, mit den helden erwirbt er gewinn. Не ясно значеніе *kṛtam* (прич. прош. стр. ср. р. отъ *kar* дѣлать), переводимое Людвигомъ *gewinn*.

²) Людвигъ: *hotar* von allen geschlechtern. Грассманнъ подразумѣваетъ не *viṣām*, а *ushasām*—зори. Это мало вѣроятно: Агни жрецъ *людей*, а не зорь.

понимать именно въ смыслѣ распространенія даннаго культа по всему арійскому Семирѣчью. Эпитетъ *saptamānusha*—«принадлежащій семи племенамъ» (въ сожалѣнію ἀπαξ λεγόμενον)—является синонимомъ эпитетовъ *vaiṣvānara* и *viṣvacarshani* въ ихъ, такъ сказать, универсальномъ, всеарійскомъ (всеиндійскомъ) значеніи. Отмѣтимъ также, что указаній на домашнее (семейное и родовое) значеніе даннаго огня въ родѣ Канвовъ въ гимнѣ VIII, 39 мы уже не находимъ.

Тому-же автору (*Nābhaka Kauva*) приписывается и гимнъ VIII, 40, въ чемъ нѣтъ повода сомнѣваться (на принадлежность обоимъ гимновъ VIII, 39 и VIII, 40 одному и тому-же *rshi* указываетъ между прочимъ припѣвъ—*nabhantām anyake same*,—заканчивающій каждый стихъ въ томъ и другомъ гимнѣ). Но гимнъ VIII, 40 посвященъ уже не одному Агни, но Агни вмѣстѣ съ Индрой, что помоему указываетъ на сравнительно позднее происхожденіе гимна. Культъ Индры развивался исподоволь, и только съ теченіемъ времени Индра сталъ общимъ, національнымъ божествомъ арійцевъ Семирѣчья. Въ нашемъ гимнѣ онъ стоитъ на равнѣ съ Агни, и оба представлены какъ божества верховныя и всемогущія. По всѣмъ признакамъ, Индра гимна VIII, 40 является такимъ-же универсальнымъ, всеарійскимъ божествомъ, какимъ изображается Агни, какъ въ этомъ, такъ и въ предыдущемъ гимнѣ. Оба бога могутъ быть по праву названы *saptamānushā*—принадлежащими 7 племенамъ, *ṣṛitā vicveshu sindhushu*—пребывающими на всѣхъ (семи) рѣкахъ. Оттуда явствуется, что оба гимна относятся ко времени довольно позднему—сравнительно съ другими, выше разсмотрѣнными гимнами Канвовъ.

Въ гимнѣ VIII, 103 (*Sobhari Kauva*) отмѣтимъ выраженіе стиха 3-го *uasmād rejanta krshtayas...* «предъ кѣмъ трепетали племена»,—какъ черту, отдѣляющую значеніе огня *Vaiṣvānara*, приобрѣтенное огнемъ Канвовъ*).

Черты, здѣсь сгруппированныя, указываютъ намъ то направление, въ которомъ развивался культъ огня, принадлежавшаго Канвамъ. Первоначально это было домашнее, семейное и

*) Съ тѣмъ вмѣстѣ эпитетъ *viṣrati*—въ ст. 7-мъ не можетъ имѣть здѣсь своего specialнаго значенія—владыки (отдѣльной) общины. Онъ значитъ здѣсь: владыка (всѣхъ или многихъ) общинъ.

родовое божество рода Канвовъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ возростало могущество или вліяніе этой семьи сначала въ границахъ той общины, къ которой она принадлежала, а потомъ и за ея предѣлами,—возросталъ и религіозный авторитетъ семейнаго огня Канвовъ, который такимъ образомъ постепенно превращался изъ семейнаго въ общинный и наконецъ въ союзный. Весьма возможно, что культъ *этого* огня въ концѣ-концовъ распространился по всему Семирѣчью (Saptamānushah grīto viṣveshu sindhushu). Съ тѣмъ вмѣстѣ большая перемѣна совершалась, конечно—постепенно, въ положеніи и судьбахъ самого рода Канвовъ. Владѣя огнемъ, котораго авторитетъ простирался все дальше и дальше—за предѣлами ихъ семьи (или рода), Канвы незамѣтно превращались изъ обыкновенныхъ смертныхъ въ жрецовъ и служителей своего огня. Служа ему, они вмѣстѣ съ тѣмъ служили цѣлому союзу арійцевъ. Къ нимъ обращались цѣлыя общины, близкія и дальнія, съ просьбою испросить у этого Агни kanvasakhā (другъ Канвовъ, X, 115, 5) той или другой милости, заступничества, помощи; жертвы, которыя приносились ему общинами или отдѣльными семьями или лицами, должны были обязательно проходить черезъ руки Канвовъ. За совершеніе этихъ требъ платили Канвамъ *дакшину* (dakshinā), плату натурою (большею частью конями, быками, коровами). Надо полагать, такихъ заказовъ было очень много, и Канвы получали такимъ образомъ большіе доходы,—ихъ Агни сдѣлался для нихъ доходной статьею, и весьма возможно, что они перестали заниматься напр. земледѣліемъ, охотой и пр. и стали жить почти исключительно доходами культа. Такова же была, какъ я думаю, исторія образованія и прочихъ жреческихъ родовъ эпохи Вѣдь.

Перехожу къ исторіи огня другаго жреческаго рода—Viṣvāmītra. Вишвамитръ приписывается значительное большинство гимновъ III-го Mandala, въ числѣ коихъ есть много гимновъ огню.

Начнемъ съ гимна III, 1. Въ немъ мы находимъ мистическую концепцію Агни и съ тѣмъ вмѣстѣ не мало темнотъ. Эту концепцію и эти темноты мы здѣсь разбирать не будемъ (такъ какъ эта сторона не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ нашей настоящей задачѣ) и прямо обратимся къ вопросу: какому Агни посвященъ этотъ гимнъ, домашнему, общинному,

или союзному? Эпитетовъ *viśraī*, *vaiśvānara* и тому подобныхъ мы не находимъ въ гимнѣ, а равно — и другихъ какихъ-либо чертъ, которыя указывали бы на общинное или на союзное значеніе этого огня. За то мы имѣемъ здѣсь — въ ст. 11-мъ — эпитетъ *damūnas*. Но этого еще недостаточно, чтобы съ увѣренностью утверждать, что Агни гимна есть огонь домашній, ибо эпитетъ *damūnas* помѣщенъ здѣсь какъ будто не на своемъ мѣстѣ — среди чисто мистической фразы, гласящей: *ṛtasya uoṇāv aśaṇad damūnā jaṁīnām agniṛ aṛasi svasṛṇām* — «на лонѣ закона пребывалъ *damūnās*, — въ работѣ сестеръ». Такъ гласитъ вторая половина стиха. Въ первой же говорится о томъ, что Агни возросъ въ неограниченномъ просторѣ, и что его взлелѣвали воды. Эти-то воды, очевидно, и побудили Людвигъ видѣть въ сестрахъ второй половины стиха также воды (*Agni im schosze (?) der verschwisterten (waszer)*). Если это такъ, то причемъ тутъ *damūnas* — среди этихъ водъ и на лонѣ закона? На этотъ вопросъ можно отвѣтить такъ: въ гимнахъ Вѣды подобныя несообразности, дѣйствительныя или кажущіяся, — далеко не рѣдкость. Въ данномъ случаѣ несообразность должна быть признаваема только кажущеюся: *damūnas* вставлено въ стихъ не зря, а съ намѣреніемъ. Смыслъ стиха таковъ: божество домашнее, семейное, — Агни возросъ въ широкомъ просторѣ, его взлелѣвали воды; это великій богъ, пришедшій откуда-то, изъ необъятнаго пространства, съ небесъ, взлелѣанный на лонѣ водъ небесныхъ; онъ пришелъ къ людямъ, въ ихъ скромное жилище, гдѣ и основался, на лонѣ культа, ставъ божествомъ домашнимъ. Вся соль стиха заключается въ этомъ противопоставленіи узкаго домашнего, семейнаго значенія или роли огня — его высокому, небесному, космическому происхожденію. Антитеза станетъ еще яснѣе, если мы подъ «сестрами» 2-й половины стиха будемъ понимать не «воды», а *пальцы*, которыя такъ часто въ гимнахъ Ригъ-Вѣды называются десятью сестрами. Это пальцы священнодѣйствующія, и ихъ «работа» — *aras* — это священная работа культа, напр. добываніе огня посредствомъ тренія двухъ *aganī*. Мы переведемъ нашу фразу такъ: «на лонѣ закона (и культа) помѣстился домашній Агни при участіи сестеръ — пальцевъ». Тогда вся эта вторая половина стиха будетъ изображать намъ концепцію огня въ культѣ и специально огня домашнего, и антитеза, о которой я гово-

рилъ, будетъ развиваться не изъ столкновѣнiя одного слова *damīnas* со всѣмъ остальнымъ содержимымъ стиха, а — изъ противопоставленiя — одна другой — двухъ половинъ его. — Но хотя так. обр. и оказывается, что слово *damīnas* здѣсь поставлено не зря, что оно имѣетъ здѣсь смыслъ и значенiе, тѣмъ не менѣе одного свидѣтельства этого стиха для меня не достаточно, чтобы признать Агни гимна огнемъ домашнимъ, — не достаточно именно потому, что это стихъ мистическiй. Кто изучалъ гимны Ригъ-Вѣды и внималъ въ ихъ стиль, идеи, образы, тотъ знаетъ, насколько можно довѣрять показанiямъ туманныхъ, мистическихъ мѣстъ, изобилующихъ темнотами и отличающихся риторическою искусственностью. Въ нихъ все, такъ сказать, нарочито — сочинено; въ нихъ нѣтъ той простоты и наивности, которыя служатъ лучшей гарантiей того, что напр. такой-то эпитетъ въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ данному божеству. Въ мистическихъ стихахъ часто нарочно, въ видахъ проведенiя какой-нибудь замысловатой антитезы или иной хитрой мысли, сопоставляются и перепутываются различныя концепцiи и образы, хотя и принадлежащiе одному и тому же божеству, но не согласующiеся между собою — потому что возникли въ разное время и принадлежатъ различнымъ фазисамъ въ развитiи его концепцiи.

Нашъ гимнъ III, 1 вообще изобилуетъ и мистикой, и риторикой, и темнотами, — нужно поэтому относиться съ большою осторожностью къ его показанiямъ. Поищемъ, — нѣтъ-ли въ немъ стиха попроще, безъ мистическихъ туманностей, и притомъ такого, который заключалъ бы въ себѣ какое-нибудь указанiе на огонь домашнiй. Такимъ стихомъ представляется намъ стихъ 15-ый: это простое молитвенное обращенiе къ огню, заключающее въ себѣ между прочимъ слѣдующее: *rakshā sa po damyebhir anīkaiḥ* — «и охрани насъ домашними *anīka*». Что такое *anīka*? Это слово прежде всего значитъ *лицо*, затѣмъ употребляется въ значенiи *рядъ, вереница, сонмъ*. Людвигъ переводитъ наше мѣсто: *behüt uns mit deinen hausliebenden (vilen) antlitzten*. Онъ понимаетъ, стало быть, *anīka* — какъ лицъ огня. Множественное число — лики огня — не должно смущать насъ: въ Ригъ-Вѣдѣ Агни представляется часто именно какъ существо многоликое. Тѣмъ не менѣе я думаю, что здѣсь подъ «домашними ликами» нужно понимать нѣчто совсѣмъ другое.

Начать съ того, что въ текстѣ нѣтъ яснаго указанія на то, чтобы эти лики принадлежали огню: мѣстоименіе *degne*, которое мы находимъ у Людвига, свидѣтельствуеетъ только о томъ, что Людвигъ приписываетъ эти *лики* огню, и вовсе не означаетъ, что это въ самомъ дѣлѣ такъ, ибо въ подлинникѣ соответствующаго мѣстоименія нѣтъ.—Подобное же выраженіе мы находимъ въ ст. III, 54, 1; *ḥnotu no damyebhir anīkaiḥ....* «да услышитъ насъ (съ) домашними *anīka....*» Опять безъ соответственнаго мѣстоименія. Теперь прочтемъ стихъ V, 51, 1: *agne sutasya pīṭaye viṣvaṛ ūtebhir ā gahi | devebhir havyaḍāṭaye* — «О Агни, къ питью Сомы (со) всеми *пособниками* прійди, (съ) богами (или божественными) — къ жертвенному дару». Агни приглашается прійти вкусить возліянія не одинъ, но — вмѣстѣ съ какими-то помощниками (*ūtebhiḥ*). Трудно думать, чтобы *devebhir* (во второй половинѣ стиха) относилось къ *ūtebhir* и обозначало боговъ: вышло бы, что боги — это «помощники», конечно, — огня. Это была бы идея, чуждая религіознымъ понятіямъ вѣдійской эпохи. Поэтому одно изъ двухъ: или *devebhir* построено параллельно *ūtebhir*, и между ними нужно подразумѣвать союзъ «и» («прійди съ помощниками *и* богами», — такъ понимаетъ Людвигъ) или переводить *devebhir* — какъ прилагательное, относя его къ *ūtebhir* («прійди съ божественными помощниками»). Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ какими-то «помощниками» огня, и эти помощники невольно напрашиваются на сопоставленіе съ тѣми *anīkaiḥ* (сонмами), которыхъ мы находимъ въ стихахъ III, 1, 15 и III, 54, 1: Агни окруженъ какими-то существами, которыя называются «домашними сонмами» и въ то же время — его, огня, помощниками. — Укажемъ также на сравненіе въ стихѣ IV, 4, 1 — огня съ могущественнымъ княземъ, окруженнымъ *свитою* (*yāhi gājevātavān ibhena* — прійди какъ могучій князь со свитою). Я склоненъ также отождествить съ этими *помощниками* огня, — этою его *свитою* тѣхъ его *хранителей* (*pāyavah*), о которыхъ говоритъ стихъ IV, 4, 12: «..... да защитятъ насъ твои хранители, о мудрый.....». Эти хранители охарактеризованы здѣсь эпитетами *asvapnajaḥ* — не спящіе, *taranaṃyāḥ* — мощные, рьяные, энергическіе, *suṣevāḥ* — преблагіе, *ātandrāsah* — неутомимые, *avrkāḥ* — защитники отъ враговъ, *aḡramiṣṭhāḥ* — самые неутомимые. Въ слѣдующемъ стихѣ 13-мъ разсказана легенда,

какъ нѣкогда эти *rāyavañ*, зрячіе, спасли изъ бѣды слѣпаго Маматею, а Агни въ свою очередь ихъ защитилъ отъ злыхъ демоновъ, — за то что они правильно исполняли обряды культа (*sukrtah*). По всему видно, что это — не люди, не смертные, это — какіе-то гени, которые участвуютъ въ совершеніи таинства культа. — Это — сонмъ домашнихъ геніевъ, сонмъ «домовыхъ», — по всей вѣроятности — *душъ предковъ*, группировавшихся вокругъ огня, какъ божества домашняго и родового, и именовавшихся «домашними сонмами», «пособниками огня», «его хранителями», — «его свитою».

Возвращаюсь къ гимну III, 1. Я остановился на стихѣ 15-мъ, гдѣ между прочимъ сказано: «оохрани насъ домашними сонмами». Вотъ именно на эту фразу, для объясненія которой пришлось сдѣлать маленькое отступленіе, я и хочу обратить вниманіе читателя: она ясно говоритъ намъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ *огнемъ домашнимъ* (*damūnas*), — огнемъ *grhapati* (домовладыкой). Эпитетъ *damūnas* находится также въ стихѣ 17-мъ, гдѣ сказано, что тотъ Агни — домашній — сдѣлалъ смертныхъ осѣдлыми (*prati martān avāsayo dāmūnāh....*) Людвигъ переводитъ иначе: *als hauszgenosse erleuchtetest du die sterblichen*. Здѣсь я не буду вдаваться въ анализъ этого стиха (для настоящей нашей задачи это не нужно): этотъ анализъ будетъ уместенъ въ другомъ этюдѣ, — который я предполагаю посвятить вопросу о *культурной* и просвѣтительной роли огня.

Общее наше заключеніе о гимнѣ III, 1 будетъ состоять въ слѣдующемъ: это — гимнъ изъ числа болѣе позднихъ (судя по его мистическому характеру, искусственности и «сочиненности»), но въ его основѣ лежитъ болѣе древняя молитва Вишвамитровъ, обращенная къ ихъ *родовому* огню. Быть можетъ, эта первоначальная основа заключала въ себѣ стихи 15—23, носящіе характеръ молитвенный, не представляющіе темноты и отличающіеся простотой и ясностью. Стихи же 1—14 — туманные, мистическіе, дѣланные — могли быть приставлены къ гимну позже, когда тотъ огонь Вишвамитровъ получилъ значеніе *огня союзнаго* — для какой-либо группы общинъ. Хотя терминовъ *viśvāpaṇa*, *viśvacarshani* или другихъ выраженій, характерныхъ для огня союзнаго, мы здѣсь и не находимъ, но обликъ послѣдняго какъ бы просвѣчиваетъ сквозь туманъ мистики гимна: въ другомъ мѣстѣ мы увидимъ, что мистическая концеп-

ція Агни совпадаетъ или связывается преимущественно съ культомъ огня союзнаго.

Гимнъ III, 2 уже прямо посвященъ этому союзному огню, принадлежащему роду Вишвамитровъ. Терминъ *vaiṣvānara* мы находимъ въ стихахъ 1, 11 и 12; кромѣ того въ стихъ 15 — *viṣvacarṣanī*. Но тутъ-же и *damūnas*: союзный для группы общинъ, этотъ огонь былъ домашнимъ въ родъ Вишвамитровъ.—

То же самое нужно сказать и о гимнѣ III, 3: онъ посвященъ огню *vaiṣvānara* (ст. 1, 5, 10, 11). Эпитетъ *damūnas*—въ стихъ 6-мъ.

О гимнахъ III, 4 и III, 5 нельзя сказать ничего опредѣленнаго, хотя въ послѣднемъ и встрѣчается эпитетъ *damūnas* (ст. 4). Въ нихъ Агни изображается преимущественно какъ жрецъ,—концепція, присвоиваемая одинаково и огню домашнему, и огню союзному, и огню общинному. — Впрочемъ, въ гимнѣ III, 5, въ стихахъ 3-мъ и 4-мъ, усматриваются кое-какія черты, которыя, какъ я думаю, намекаютъ на *союзное* значеніе огня. — Образъ огня союзнаго съ большею ясностью очерчивается въ гимнѣ III, 6, гдѣ — въ стихъ 5-мъ—находимъ характерное для огня союзнаго выраженіе: *tvaṃ netā vrshabha carṣanīnām* — «ты, о самецъ, — вождь племенъ (или людей)». — Въ гимнѣ III, 9 терминъ *mānusha* (ст. 6) — «человѣчскій», какъ я думаю, указываетъ на огонь *Vaiṣvānara* (срав. ст. 1, 44, 10 и см. ниже, стр. 28). Въ гимнѣ III, 10, ст. 1, огонь названъ властелиномъ людей (*sumgājam carṣanīnām*), что несомнѣнно относится къ огню союзному. То же самое слѣдуетъ сказать и о выраженіи стиха III, 11, 5 — *puraetā viṣām mānushīnām* — «вождь общинъ (селеній) человѣческихъ».

Такъ образомъ въ гимнахъ III, 2, III, 3, III, 6, III, 9, III, 10, III, 11 мы находимъ огонь Вишвамитровъ въ роли огня союзнаго. — Всѣ они принадлежатъ (или приписываются) одному и тому же автору — *Viṣvāmītra Gāthina*.

Въ остальныхъ гимнахъ III-го Mand, приписываемыхъ Вишвамитрамъ, не встрѣчаются термины *grhapati*, *damūnas*, или вообще черты, живописующія огонь домашній (родовой), но за то въ нѣсколькихъ мѣстахъ просвѣчиваетъ или же ясно очерчивается концепція огня союзнаго, какъ напр. III, 13, 5, — III, 26, 1, 2, 3, и нѣк. др. Исключеніе представляетъ только стихъ III, 54, 1 — «да услышитъ насъ Агни вмѣстѣ съ домашними сонмами», — о коемъ была рѣчь выше.

Весьма важенъ для насъ коротенькій гимнъ III, 23, принадлежащій роду Bhārata и представляющій собою отрывокъ или, вѣрнѣе, два отрывка изъ сказаній объ огняхъ рода Бхâратовъ. Въ стихѣ 2-мъ повѣствуется, что двое Бхâратовъ (очевидно, два брата), Devaṣṭravāh и Devavātah добыли огонь посредствомъ тренія, т. е. зажгли огонь (amanthishtām bhāratā revad agnim devaṣṭravā devavātah sudaksham). Стихъ 3-й (имѣющій другой размѣръ, обстоятельство, какъ я думаю, указывающее на то, что онъ взятъ изъ другаго гимна) заключаетъ въ себѣ между прочимъ (во 2-й половинѣ) слѣдующее: agnim stuhī daivavātam devaṣṭravo yo janānām asad vaṣī—«славь, о Девашравасъ, огонь, принадлежащій Девавātu, — (огонь), который былъ (сталъ?) повелителемъ людей».—Въ стихѣ 4-мъ (который по размѣру — Trishtubh — примыкаетъ къ стихамъ 1 и 2-му) находится между прочимъ слѣдующее: «на Drshadvati—человѣческій — на Aṛayā, на Sarasvati ярко, о Агни, свѣти!» (drshadvatyām mānuṣha ārayāyām sarasvatyām revad agne didīhi). — Я думаю, что стихи 1-ый, 2-ой и 4-ый составляютъ одинъ отрывокъ, взятый изъ какихъ-то эпическихъ сказаній о родѣ Бхâратовъ, о ихъ огнѣ (или огняхъ), о распространеніи по рѣкамъ Drshadvati, Aṛayā и Sarasvati. Стихъ-же 3-й, также заимствованный изъ эпоса Бхâратовъ, представляетъ собою другой отрывокъ (размѣръ Satobhrhati) — изъ какихъ-либо сказаній о борьбѣ или соперничествѣ между двумя Бхâратидами: у Девашравасъа былъ свой огонь, у Девавāта былъ — свой. Они состязались изъ-за первенства, и эта борьба окончилась торжествомъ Девавāта, котораго огонь былъ признанъ «владыкою людей» (janānām vaṣī), т. е. получилъ значеніе огня Vaiṣvānara. Девашравасъ принужденъ былъ уступить и прославить огонь Девавāта. Этотъ-то огонь и названъ въ стихѣ 4-мъ mānuṣha — человѣческій, что равносильно термину Vaiṣvānara, и культъ его распространился по рѣкамъ Sarasvatī, Drshadvati и Aṛayā.

Почти всѣ (кромѣ одного) гимны VI-го Mandala приписываются различнымъ представителямъ рода Bhāradvāja. Въ томъ числѣ мы находимъ 16 съ лишнимъ гимновъ, посвященныхъ Агни. Въ нихъ, какъ я думаю, преобладаетъ концепція огня союзнаго, т. е. эти гимны были сложены огню Бхâрадвāджовъ не столько—какъ ихъ родовому огню, сколько — какъ предста-

вителю пѣлаго союза общинъ. Съ полной очевидностью такое значеніе этого огня выступаетъ въ гимнахъ VI, 1 (ст. 8), VI, 2 (ст. 2), VI, 7, VI, 8. — Терминъ *grhapati*, указывающій на домашнее или родовое значеніе этого огня, находимъ въ ст. VI, 15, 13, 19; VI, 16, 42; (VI, 48, 8.) Посмотримъ, въ какомъ именно смыслѣ, съ какими оттѣнками соединяется этотъ терминъ въ указанныхъ стихахъ. Гимнъ VI, 15 — едва-ли можно сомнѣваться въ этомъ — рисуетъ намъ концепцію огня *союзнаго*: такъ, въ ст. 1-мъ Агни названъ «владыкой всѣхъ общинъ (сель)». Въ стихъ 13-мъ встрѣчаемъ *grhapati*, но не находимъ здѣсь никакихъ зацѣпокъ, чтобы уловить цѣль, съ какою помѣщенъ здѣсь этотъ эпитетъ. За то въ стихъ 19-мъ, гдѣ онъ также находится, эта цѣль обнаружится съ достаточной отчетливостью, въ особенности если мы переведемъ этотъ стихъ не совсѣмъ такъ, какъ переводитъ его Людвигъ. Стихъ гласитъ: *vayam u tvā grhapate janānām agne akarma samidhā brhantam | asthūri no gārhapatyāni santu tigmena nas tejasā sam çīcādhi ||* «мы тебя, о домовладыка, сдѣлали, о Агни, посредствомъ возженія великимъ для людей; да будутъ неодносторонними наши домохозяйства, — яркимъ свѣтомъ насъ просвѣти (изощри)!» ¹⁾. Это значитъ: ты — нашъ домовладыка, ты нашъ домашній, родовой огонь; но мы, возжигая тебя, сдѣлали тебя великимъ (не только для насъ, для нашего рода, но и) для людей вообще, — ты сталъ *Vaiçvānaga*, — огнемъ союзнымъ, — сдѣлай же такъ, чтобы наши домохозяйства были объединены, чтобы они не были односторонними, не глядѣли бы врозь, но составляли бы всё вмѣстѣ одно согласное цѣлое. — Слово, которое я перевелъ «односторонній», есть *asthūri* (къ сожалѣнію, ἀπαξ λεγόμενον), что значитъ *одноупряжный* и очевидно относится къ культу домашняго огня. Дѣло въ томъ, что отправленіе культа Агни часто сравнивается въ гимнахъ Р.-Вѣды съ упряжью коня, и самъ Агни неоднократно сопоставляется съ конемъ: его запрягаютъ, онъ мчится, его погоняютъ, имъ управляютъ при помощи узды культа и т. п. Итакъ *asthūri gārhapatyāni* — одноупряжные домохозяйства — это семьи или роды, признающіе

¹⁾ *Ludwig*: wir haben dich, o herr des hauses der menschen, o Agni, hoch gemacht mit brennholz, | nicht einspännig mögen unsere hauswesen sein, mit kräftigem glanze rüste uns ausz.

только культъ своего семейнаго (родоваго) огня и не поклоняющіеся или же неохотно подчиняющіеся огню союзному. Въ данномъ мѣстѣ выраженъ протестъ противъ такой тенденціи, и этотъ протестъ обоснованъ на томъ фактѣ, что Агни гимна возведенъ въ рангъ огня союзнаго, — его, домашняго, сдѣлали великимъ для людей. — Я вижу здѣсь антитезу между *gr̥haratī* и *jānānām*, а не отношу *jānānām* къ *gr̥haratī*, какъ это дѣлаетъ Людвигъ.

Въ стихѣ VI, 16, 42 терминъ *gr̥haratī* является въ слѣдующей обстановкѣ: *ā jātam jātavedasī priyam çitātītibim | syona ā gr̥haratim ||* «изошряйте (желъйте, раздувайте) новорожденнаго (Агни) на (огнѣ) *Jātavedas*, — милаго гостя, — на прекрасномъ (мѣстѣ?) — домовладыку». *Jātavedas* — «знающій созданія (твари)» — это одинъ изъ излюбленнѣйшихъ эпитетовъ Агни. Я думаю, что этотъ эпитетъ прилагался преимущественно къ огню *Vaiçvānara*. Если предположимъ, что здѣсь подъ *Jātavedas* слѣдуетъ понимать именно огонь союзный (*Vaiçvānara*), то смыслъ стиха будетъ слѣдующій: зажигайте домашній огонь на огнѣ союзномъ. Представимъ себѣ, что основывается новая семья. Первымъ дѣломъ она должна, разумѣется, возжечь свой особый священный огонь. Это будетъ ея *gr̥haratī*. Но чтобы этотъ новорожденный (*jāta*) домовладыка былъ въ самомъ дѣлѣ огнемъ священнымъ и, главное, чтобы онъ получилъ, такъ сказать, санкцію отъ огня союзнаго, необходимо воспламенить его на огнѣ союзномъ. — Этотъ будетъ символомъ того, что новооснованная семья сохраняетъ свою связь съ союзомъ.

Въ стихѣ VI, 48, 8 находимъ терминъ *gr̥haratī* въ обстановкѣ довольно рѣдкой: *viçvāsām gr̥haratir viçām asi tvam agne mānushīnām* — «ты, о Агни, домовладыка всѣхъ общинъ человѣческихъ». — Я думаю, что дѣло идетъ объ огнѣ союзномъ и что терминъ *gr̥haratī* употребленъ здѣсь фигурально. Въ предыдущемъ стихѣ 7-мъ объ этомъ самомъ огнѣ сказано, что онъ возженъ у Бхарадвѣджовъ (*bharadvāje*—единствен. число — собирательно). Итакъ, это союзный огонь Бхарадвѣджовъ, — и вотъ въ ст. 8-мъ фигурально называютъ его домовладыкой общинъ: для союза общинъ онъ то же, что огонь домашній—для семьи или рода.

Сдѣлаемъ теперь общую характеристику огня домашняго, — его значенія, функцій, атрибутовъ.

Агни домашній—это, такъ сказать, центръ, вокругъ котораго группируется семья, къ которому тяготеетъ вся жизнь ея,—основа, на которой зиждутся ея устои. Агни домашній—божество брака. Онъ скрѣпляетъ семейный союзъ, поддерживая согласіе между супругами. Объ этомъ весьма ясно говоритъ стихъ V, 3, 2:..... añjantī mitram sudhitam na gobhir yad dam-
patī samapasā krīnoshi—«умащаютъ тебя какъ благообразнаго(?) Митру, когда ты дѣлаешь супруговъ согласными». Здѣсь Агни, въ качествѣ божества, поддерживающаго семейное согласіе и счастье, сопоставляется съ *Митрою*—божествомъ союзовъ, договоровъ, мира и согласія. Я думаю, что и моленіе, заключающееся во второй половинѣ стиха V, 28, 3 и гласящее: «сотвори себѣ домовладычество легко управляемое» (sam jāspatyam suya-
tam ā krīṇushva), также обращено къ Агни—какъ покровителю браковъ и семейнаго начала: поддерживая миръ и согласіе въ семьѣ, Агни тѣмъ самымъ облегчаетъ себѣ роль домовладыки и генія-блюстителя блага и интересовъ семьи—таковъ, какъ я думаю, смыслъ приведеннаго молитвеннаго обращенія. Любопытны для характеристики огня домашняго первые три стиха гимна VII, 15: upasadyāya mīlhusa āsye juhutā havih | yo no
nedishtham āpyam || 1 || yah pañca carshanīr abhi nishasāda dame-
dame | kavir grhapatir yuvā || 2 || sa no vedo amātyam agnī raksha-
tu viṣvatah | utāsmān pātṅ amhasah || 3 || «1. Щедрому дари-
телю, кому подобаетъ служеніе (?) (т. е. Агни) лейте въ ротъ возліаніе, (ему) который—наше ближайшее родство; 2. (онъ) который у пяти племенъ основался въ каждомъ домѣ,—мудрецъ, домовладыка, (вѣчно-)юный, 3. этотъ Агни да охраняетъ со
всѣхъ сторонъ наше имущество, (наше) семейное общежитіе и да защититъ насъ отъ утѣсненія (или бѣды)!» Итакъ Агни, домовладыка въ каждомъ домѣ, охраняетъ семейный союзъ и достойніе людей, являясь самымъ близкимъ къ человѣку боже-
ствомъ, какъ бы его ближайшимъ родственникомъ, членомъ семьи. Онъ—любимое чадо семьи, и человѣкъ относится къ нему, какъ отецъ—къ сыну, какъ родственникъ—къ родственнику, какъ другъ—къ другу: ā hi shmā sūnave pitāpir yajaty āpāye |
sakhā sakhye vareṇyaḥ.—гласитъ стихъ I, 26, 3—«ибо вотъ—

приносить жертву сыну отецъ, родичъ — родичу, избранный другъ — другу».

Агни — домашній жрецъ (II, 1, 2). Онъ является верховнымъ блюстителемъ или заправителемъ жертвоприношеній и священнодѣйствій въ каждомъ домѣ (I, 128, 4). Онъ даруетъ домашнее богатство (I, 141, 11), Онъ является геніемъ — хранителемъ жилища, удаляя отъ людей нужду, тѣсноту, злой умыселъ (врага), о чемъ говорятъ намъ, между прочимъ, стихи IV, 11, 5 и IV, 11, 6. Въ первомъ изъ нихъ Агни домашній (обозначенный эпитетами *damūnas* и *grharatī*) названъ *dveshoyut* — «удаляющимъ (всё) враждебное»¹⁾. Во второмъ читаемъ слѣдующее: «далеко отъ насъ (удаляешь ты) нужду, далеко — тѣсноту, далеко — всякій злой умыселъ, когда ты охраняешь (насъ); вечеромъ благополученъ, о сынъ мощи, Агни, тотъ, которому ты — богъ — сопутствуешь ко благу».

Роль Агни домашняго ограничивается предѣлами рода, на что, какъ намъ кажется, указываетъ стихъ IV, 3, 13: *mā kasya yaksham sadam id dhuro gā mā veçasya praminato māpeh | mā bhrāturjagne anrjor rnam ver ma sakhyur daksham ripor bhujema ||* «не приходи никогда мстителемъ — преслѣдовать ни какого-либо домочадца нерадиваго (?), ни родича; не преслѣдуй прегрѣшеніе погрѣшившаго брата; да не испытаетъ мы силу коварнаго друга». Здѣсь, какъ я думаю, обращена къ Агни домашнему просьба — быть снисходительнымъ къ слабостямъ и грѣхамъ, могущимъ обнаружиться въ семьѣ, и не карать за это всей семьи, которая была какъ-бы отвѣтственна за преступленія, совершенныя ея членами. Термины *veça* (членъ семьи или домочадецъ), *apī* — родичъ, *bhrātar* — братъ и *sakhi* — другъ изображаютъ намъ семью въ обширномъ смыслѣ, семью — родъ, въ составъ которой входили и боковые, и дальніе родственники, и посторонніе — «друзья», усыновленные родомъ.

§ 4. Огонь общинный — *viçratī*.

Въ каждой общинѣ или каждомъ селѣ былъ свой священный огонь. Это положеніе вытекаетъ изъ слѣдующихъ выраже-

¹⁾ Или, быть можетъ, это слово значить: «удаляющій вражду», — т. е. вражду между людьми, между членами семьи. Въ такомъ случаѣ этотъ эпитетъ относился бы къ характеристикѣ Агни, какъ божества, поддерживающаго семейное согласіе.

ній гимновъ: «Апнавāна и Бһргавы зажгли огонь въ деревѣ... для каждаго села (общины—*viṣe-viṣe*)....» (IV, 7, 1),—«... люди стяжали тебя въ селахъ (общинахъ, *vikshu*)...» (ib, ст. 2),—«... люди понесли свѣтъ Бһргавовъ въ каждое село (общину)», т. е. распредѣлили, раздѣлили огонь, дарованный Бһргавами, по селамъ (общинамъ,—*viṣe-viṣe*)... (ib, ст. 4). (Это *viṣe-viṣe* противопоставляется здѣсь выраженію *dame-dame* (въ каждомъ домѣ) стиха 4-го, т. е. Агни общинный противопоставляется здѣсь огню домашнему, о чемъ мы говорили выше).—V, 3, 5: «Нѣтъ жреца первѣе тебя, о Агни, (нѣтъ) священнѣе, нѣтъ выше (тебя) мудростью, о мощный (*svadhāvas*), и какой общины являешься ты *гостемъ, та (община), силою жертвы, побѣдитъ, о боже, смертныхъ*. Отдѣльная община, стало быть, имѣла своего отдѣльнаго Агни. Въ стихѣ VIII, 74, 1 Агни названъ гостемъ каждаго села (*viṣo-viṣo*).

Этотъ общинный Агни назывался *viṣpati*—владыка общины или села. Впрочемъ, этотъ терминъ не всегда обозначаетъ Агни общиннаго: иногда онъ прилагается къ огню союзному (*Vaiṣvānaga*). Вотъ тѣ мѣста, гдѣ терминъ *viṣpati* обозначаетъ огонь общинный. I, 12, 2: *agnim-agnim havimabhiḥ sadā havanta viṣpatim*.... «Агни и Агни съ воззваніями призывали всегда владыку общины....». Здѣсь, какъ я думаю, повтореніе *agnim-agnim* имѣетъ тотъ-же смыслъ, какъ и *viṣe-viṣe* и т. п., т. е. въ каждомъ селѣ призываютъ своего Агни, сельскаго владыку. Засимъ, ни въ этомъ стихѣ, ни во всемъ гимнѣ мы не находимъ какихъ-либо указаній, которыя побуждали бы насъ понимать терминъ *viṣpati* въ примѣненіи къ огню союзному: онъ относится, стало быть, къ огню общинному. Но въ стихѣ 6-мъ мы находимъ терминъ *gr̥harati*. Стихъ гласитъ: *agnināgniḥ sam idhyate kavir̥ gr̥haratir̥ yuvā*.... «огнемъ Агни зажигается, мудрецъ, домовладыка, юный....» Эта фраза невольно поражаетъ своимъ диссонансомъ со всѣмъ предыдущимъ и послѣдующимъ, кромѣ развѣ уже приведеннаго стиха 2-го, съ которымъ онъ сходенъ по конструкціи и характеру: оба стиха, 2-ой и 6-ой, выражаютъ общія положенія, указываютъ на факты и оба начинаются повтореніемъ слова *agni* (хотя это повтореніе имѣетъ въ нихъ различный смыслъ),—между тѣмъ какъ всѣ прочіе стихи (кромѣ 1-го, представляющаго собою какъ бы вступленіе) суть молитвенныя обращенія—съ глаголами въ повелит. накл. и часто съ

зват. падежомъ (ст. 3-й: *agne devān ihā vaha*—о Агни, приведи сюда боговъ, ст. 4-ый: пробуди ихъ—боговъ, ст. 5-ый: сожги вредящихъ... и т. д.; только стихъ 7-ой представляетъ исключеніе въ томъ смыслѣ, что повелительное накл. обращено въ немъ не къ Агни, а, вѣроятно, къ жрецу: восхваляи мудраго Агни....). Итакъ, стихи 2-ой и 6-ой, сходные между собою по характеру и конструкціи, рѣзко отличаются въ тѣхъ же отношеніяхъ отъ прочихъ стиховъ гимна: я думаю, что они внесены сюда изъ какого-либо другаго гимна. Изъ нихъ стихъ 2-ой, какъ мы видѣли, указываетъ на тотъ фактъ, что Агни *Viṣṣrati* искони поклонялись люди, а стихъ 6-ой, по моему мнѣнію, утверждаетъ, что отъ него, отъ огня общиннаго, зажигаютъ огонь домашній. Я полагаю, что подъ *agninā*, которымъ начинается этотъ стихъ, нужно понимать Агни *Viṣṣrati*, о которомъ говоритъ стихъ 2-ой. Въ предыдущемъ § мы имѣли случай указывать на тѣ мѣста гимновъ, гдѣ выражается мысль о перенесеніи огня изъ общины въ дома. Мысль нашего стиха 6-го аналогична (но не тождественна) этой послѣдней. Быть можетъ, существовалъ обычай воспламенять священный огонь домашній на огнѣ общинномъ. Ср. выше стр. 30 (о стихѣ VI, 16, 42). VII, 15, 7: *nī tvā nakshya viṣṣrate dyumantam deva dhīmahi | suvīram agna āhuta* || «тебя, о *Nakshya* ¹⁾, владыка общины, мы да положимъ (раскладываемъ, утверждаемъ), о боже, свѣтлаго,—(тебя), дарующаго богатырей, о Агни, ты, кому приносятся возліянія». Въ первыхъ стихахъ этого гимна дѣло идетъ объ огнѣ *Ġḡharati*, и выше эти стихи были цитированы. Начиная со стиха 6-го, какъ я думаю, дѣло идетъ уже объ огнѣ общинномъ, и весь гимнъ такимъ образомъ распадается на двѣ неравныя части,—на два гимна, изъ коихъ одинъ, стихи 1—5, представляетъ собою молитву огню домашнему, а другой, стихи 6—15,—молитву огню общинному. Не лишено для насъ значенія выраженіе стиха 8-го:.... *svagnaṇayas tvaṇyā vaṇam*—«тобою мы—обладатели хорошихъ огней», т. е. благодаря тебѣ, огню общинному, мы, члены общины, имѣемъ хорошіе огни,—очевидно, домашніе, что можно понимать въ томъ смыслѣ, что эти послѣд-

¹⁾ Грассманнъ принимаетъ это слово за причастную форму отъ гл. *naksh*—достигать; Людвигъ переводитъ *nächtlicher* (въ виду, конечно, словъ *nakti*, *nakta* и под.—ночь). Я склоненъ сопоставлять его съ *nakshatra*—свѣтило и переводить «свѣтлый».

ніе произошли отъ огня общиннаго и отъ него воспламенялись. Съ тѣмъ вмѣстѣ здѣсь просвѣчиваетъ и идея домашняго (семейнаго) благополучія, находящагося въ зависимости отъ культа огня общиннаго. Быть обладателемъ хорошаго огня это значитъ—имѣть у себя въ домѣ могучаго бога-заступника, генія-хранителя, безъ котораго не мыслимо счастье семьи и процвѣтаніе дома, а этотъ добрый геній семьи и дома состоитъ въ тѣсной связи съ огнемъ Viṣṣrati, блюстителемъ интересовъ цѣлой общины, съ которымъ онъ связанъ генетически. Отмѣтимъ также стихъ 9-ый, гдѣ говорится, что жрецы прибѣгаютъ къ нему (очевидно, тому же огню Viṣṣrati) съ молитвами. Этотъ стихъ какъ бы намекаетъ на существованіе особаго храма и культа огня общиннаго,—при чемъ однако замѣтимъ, что весьма возможно и то, что въ роли и съ функціями огня Viṣṣrati являлся одинъ изъ огней домашнихъ. На такое выступленіе частнаго (домашняго) огня въ роли огня общиннаго указываетъ ст. VII, 42, 4: *yadā vīrasya revato durone syonaçīr atithir āciketat | surgīto agnih sudhito dama ā sa viçe dāti vāryam iyatyai* || «когда въ жилищѣ богатаго человѣка возсіялъ гость, водворившись на удобномъ мѣстѣ, благорасположенный Агни, прекрасно устроенный въ домѣ, (то) онъ даетъ этой (данной) общинѣ искомое благо». Очевидно, частный огонь, пылавшій въ домѣ богатаго члена общины, приобрѣталъ значеніе огня Viṣṣrati. Не даромъ фигурируютъ въ приведенномъ стихѣ термины *syonaçī*—удобно-помѣщенный, покоящійся на удобномъ или пріятномъ мѣстѣ, на мягкомъ ложѣ, *sudhito dama ā*—прекрасно устроенный въ домѣ, *surgīta* очень дружественный—они, очевидно, приведены съ намѣреніемъ отгнать ту мысль, что въ домѣ богатаго человѣка Агни пользуется извѣстными удобствами, и культъ его обставленъ лучше и роскошнѣе, чѣмъ въ домахъ людей бѣдныхъ: богачъ можетъ предоставить ему лучшую, болѣе изысканную пищу, можетъ пригласить искуснѣйшихъ жрецовъ, торжественнѣе обставить актъ жертвоприношенія и т. д. Съ тѣмъ вмѣстѣ этотъ частный культъ получаетъ нѣкоторое общественное значеніе: Агни такого богатаго и щедраго человѣка будетъ могущественнѣе ¹⁾ и добрѣе другихъ однородныхъ огней и явится

¹⁾ Припомнимъ, что по вѣдйскимъ понятіямъ, молитвы и священнодѣйствія питаютъ и укрѣпляютъ боговъ,—безъ нихъ боги не имѣли бы той

добрымъ геніемъ не только данной семьи, но и цѣлой общины, къ которой эта семья принадлежитъ.

VIII, 23, 13—14: yad vā u viçpatih çitah suprito manusho viçi | viçved agnih prati rakshāmsi sedhati || 13 || çrushty agne navasya me stomasya vīra viçpate | ni māyinas tapushā rakshaso dāha || 14. «Когда-же, владыка общины, (онъ) воспламенъ, весьма дружественный, въ человѣческой общинѣ, то всѣхъ злыхъ демоновъ прогоняетъ Агни. Внимая, о Агни, новому моему гимну, о герой, владыка общины, сожги (своимъ) пламенемъ колдуновъ, (сожги) злыхъ демоновъ!»

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ Агни общиннымъ, ибо нѣтъ никакихъ указаній, чтобы терминъ viçpati обозначалъ здѣсь огонь союзный (къ домашнему же онъ относиться не можетъ). Не лишентъ значенія эпитетъ *vīra*—герой (въ ст. 14-мъ): онъ прекрасно гармонируетъ съ идеей огня общиннаго, котораго важнѣйшею функціей было—оборонять общину отъ недруговъ,—отъ злыхъ демоновъ и злыхъ людей. Это былъ Агни по преимуществу воинственный,—князь и воитель,—онъ былъ слѣдов. по праву *vīra*—герой, богатырь,—представителемъ, такъ сказать, богатырскаго, воинствующаго элемента въ общинѣ. Въ этомъ смыслѣ любопытно свидѣтельство стиха 19-го того-же гимна: imam ghā vīro amrtam dūtam kṛvīta martyah..... «его-же, безсмертнаго, да избересть себѣ вѣстникомъ смертный герой»....

Эпитетъ *datya*—домашній—въ ст. 24-мъ того-же гимна свидѣствуетъ, повидимому, о томъ, что этотъ общинный огонь былъ нѣкогда *семейнымъ* въ жреческой семьѣ Вяшвы, который, по свидѣтельству стиха 16-го, впервые сдѣлалъ его, этого Агни, *дружественнымъ*. Стихъ 24-ый, въ которомъ находимъ терминъ *datya*, гласитъ:.... arca.... rshe vaiyaçva datyāyāgnaye—«пой.... о пѣвецъ, потомокъ Вяшвы, домашнему огню». Этотъ потомокъ Вяшвы и есть, повидимому, тотъ Viçvamanas, котораго имя приведено въ стихѣ 2-мъ ¹⁾.

силы, какая нужна имъ для совершенія различныхъ дѣйствій и подвиговъ въ интересахъ людей.

¹⁾ Этотъ стихъ не совсемъ ясенъ: dāmānam viçvacarshane 'gnim viçvamanō girā | uta stushe vishpārhaso rathānām—Ludw.: als den geber, o allmenschlicher, den Agni, o Viçvamanās, preisend besingst du (aber) auch (seine flammen, sie), mit denen die streitwagen nimmer wetteifern. (?)

Гимнъ VIII, 44, въ 26-мъ стихѣ котораго мы находимъ эпитетъ *viçpati*, представляетъ собою, на мой взглядъ, нѣчто въ родѣ торжественной молитвы, обращенной къ общинному огню отъ лица всей общины. Какихъ-либо указаній на союзное значеніе этого огня въ гимнѣ нѣтъ. Зато есть одинъ стихъ, который легко можно отнести къ огню домашнему. Это стихъ 15-ый, гласящій: *yo agnim tanvo dame devam martah saparyati | tasmā id dīdayad vasu*—«кто поклоняется огню (Агни) въ собственномъ домѣ, тому (онъ) даровалъ благо». Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ домашнимъ, родовымъ огнемъ, получившимъ общинное значеніе.

Къ Агни общинному отношу я также стихъ X, 141, 1, гдѣ находимъ *viças pate* (зват.)—владыка общины (села).

§ 5. Огонь союзный—*Vaiçvānara*, *Viçvacarshani*,

Общее понятіе объ огнѣ союзномъ было дано выше. Здѣсь намъ предстоитъ сгруппировать тѣ черты изъ гимновъ Ригъ-Вѣды, которыя дали бы намъ полную и подробную характеристику этого огня.

Начнемъ съ гимна I, 59, который цѣликомъ посвященъ огню *Vaiçvānara*. Этотъ эпитетъ — *vaiçvānara* — находится во всѣхъ семи стихахъ гимна. Кромѣ того, въ стихѣ 7-мъ мы имѣемъ терминъ *viçvākrshī*—букв. «принадлежащій всѣмъ (земледѣльческимъ) племенамъ»—терминъ, значеніе котораго равносильно значенію *vaiçvānara* и *viçvacarshani*, т. е. по русски удобнѣе всего оно можетъ быть передано словами «общій», «союзный» и т. п. Для характеристики этого союзнаго огня важны стихи 1-ый, гдѣ между прочимъ находятся уже извѣстныя намъ выраженія: «другіе огни суть твои вѣтви», «ты—пупъ (средоточіе) племень», 5-ый, гдѣ сказано: «ты—князь (земледѣльческихъ) племень», и 6-ой, гласящій слѣдующее: *pra nū mahitvam vṛshabhasya vocam yam pūravo vṛtrahanam sacante | vaiçvānaro dasyum agnir jaghanvān adhūnot kāshtā ava çambaram bhēt*—«возвѣщу (прославлю) величіе Быка (т. е. Агни), за которымъ, какъ за убійцей Вртры, слѣдуютъ люди; *Vaiçvānara*, поразивъ врага, (т. е. либо врага Аріицевъ, либо демона—*dasyu*), потрясъ (приведъ въ трепетъ) небеса (? *kāsh-*

thāh)¹⁾, низвергнулъ (сразилъ) Шямбару». Убіеніе Вртры (демона тучи), борьба съ *dasu* (демоны, или же враги арійцевъ), поражение Шямбары,—все это—извѣстные подвиги *Индры*, столь часто упоминаемые въ гимнахъ Ригъ-Вѣды. Итакъ, здѣсь Агни союзному приписываются подвиги *Индры*. Эта черта, какъ сейчасъ увидимъ, не лишена значенія для характеристики огня *Vaiṣvānara*. Въ ст. I, 74, 3 мы опять встрѣчаемся съ терминомъ *vrtrahan*, отнесеннымъ къ огню. Вотъ переводъ первыхъ трехъ стиховъ этого гимна I, 74: (1) Приступая къ жертвоприношенію, изречемъ огню священное изреченіе, (ему), слышавшему насъ даже издали, (2) (ему), который, впереди сражающихся племенъ, сохранилъ поклоннику (его) имущество. (3) И пусть скажутъ люди: родился Агни—побѣдитель Вртры (или: Агни сталъ побѣдителемъ Вртры)». Терминъ *vrtrahan* можно понимать не только въ указанномъ смыслѣ (побѣдитель Вртры), но также въ значеніи—«побѣдитель врага» или просто «побѣдитель». Такой смыслъ имѣетъ соответствующій авестійскій терминъ *vərəθrajaō*, а равно вѣдійскіе *vrtraha*, *vrtratur* и наконецъ нашъ *vrtrahan* (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, см. въ словарѣ *Grassmann's a s. v.*). *Индра* величается *vrtrahan* не только потому, что ему приписывается мифическій подвигъ убіенія демона тучъ—Вртры, но также и потому, что онъ, *Индра*, преимущественно передъ другими богами, признается вождемъ арійцевъ, ихъ заступникомъ въ битвахъ съ туземцами, побѣдителемъ враговъ арійскаго племени. Въ приведенныхъ стихахъ I, 59, 6 и I, 74, 1—3 подвиги *Индры* приписываются огню, который изображается предводителемъ арійцевъ въ битвахъ и, по примѣру *Индры*, величается *vrtrahan*. Полагать, что—наоборотъ—функции Агни перенесены на *Индру*,—всякому, специально-занимавшемуся вѣдійскими текстами, должно представиться абсолютно—невозможнымъ: черты, о которыхъ идетъ рѣчь, принадлежатъ къ числу постоянныхъ, необходимыхъ и характерныхъ признаковъ *Индры*, въ концепціи же Агни онѣ являются лишь спорадически и связываются собственно съ тою разновидностью священнаго огня, которую мы называемъ здѣсь огнемъ союз-

¹⁾ По *Naighantuka I, 6 kashthāh* принадлежитъ къ числу *dinnāmani*, т. е. —терминовъ, обозначающихъ стороны свѣта. *Ludw.* переводитъ *einzelungen*.

нымъ. Итакъ, движеніе шло отъ Индры къ Агни, а не наоборотъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ мы приобретаемъ нѣкоторый критерій для опредѣленія относительной древности нѣкоторыхъ сторонъ концепціи Агни, а слѣдов. и соотвѣтственныхъ гимновъ (или частей гимновъ и отдѣльныхъ стиховъ). Такъ напр. образъ Агни—*Vaiṣvānara—Vrtrahan* долженъ былъ образоваться уже послѣ окончательнаго сформированія образа Индры—*Vrtrahan*'а. Этотъ послѣдній въ свою очередь не принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ. Правда, его эмбрионъ—грозовое божество, борющееся съ тучамъ и проливающее дождь,—былъ вынесенъ индусами изъ индоевропейской прародины, и въ эпоху арійскую (индоиранскую) изъ него развилась арійская концепція грозоваго божества—побѣдителя (авест. *Vərəθraijō*, вѣд. *Vrtrahan*), но та концепція Индры, которую мы знаемъ изъ многочисленныхъ гимновъ Ригъ Вѣды, посвященныхъ Индрѣ, возникла не сразу,—она разрабатывалась постепенно, въ теченіи вѣковъ, по мѣрѣ того какъ Индра все болѣе и болѣе приобреталъ популярности и выступалъ на первый планъ въ религіозномъ сознаніи арійцевъ Семирѣчья, постепенно оттѣсняя на второй планъ Варуну и его сподвижниковъ. Исходя изъ этихъ соображеній, мы получимъ слѣдующую схему: въ древнѣйшее время вѣдійскаго періода первенствующимъ божествомъ признавался Варуна (а съ нимъ вмѣстѣ Митра, Аръяманъ, быть можетъ *Bhaga* и *Aṁṣa*), при чемъ, разумѣется, *основою* религіи служили древніе культы Агни и Сомы; затѣмъ сталъ развиваться изъ старыхъ началъ новый культъ Индры и мало-по-малу вытѣснялъ культъ Варуны и другихъ древнихъ божествъ одной съ нимъ категоріи; *основою* культа продолжали служить Агни и Сома, но ихъ концепціи осложнялись и развивались въ извѣстномъ направленіи; наконецъ Индра сталъ верховнымъ и національнымъ божествомъ арійцевъ Семирѣчья; къ этому времени развилась и концепція огня союзнаго: на ряду съ Индрою во главѣ союзовъ общинъ и племенъ стоялъ особый священный огонь—*Vaiṣvānara*, и вотъ тогда-то на него и переносятся нѣкоторыя черты и атрибуты Индры.

Терминъ *vrtrahan* въ примѣненіи къ Агни мы находимъ также въ стихѣ 4-мъ гимна III, 20. Въ этомъ гимнѣ, посвященномъ не одному Агни, но и другимъ божествамъ (*ushas*, *aṣvinā*, *dadhikrā*, *brhaspatī* и пр.), не усматривается какихъ-либо чертъ,

которыя намекали-бы на ту или другую концепцію Агни. Чертою, указывающею на идею огня союзнаго, могло-бы быть призвано, впрочемъ, выраженіе стиха 4-го: *agnir netā bhaga iva kshitinām daivinām*.... «Агни—вождь, какъ Bhaga, племя *божественныхъ*»,—если-бы не это послѣднее слово (*daivinām*—божественныхъ): оно заставляетъ насъ подѣ этими племенами понимать не людей, а боговъ. Правда, терминъ *daivya*, *daivi* можно было-бы понимать и въ смыслѣ «преданный,—ая богамъ», «благочестивый,—ая», но для этого, кажется, нѣтъ достаточно твердыхъ основаній.

Но идемъ дальше. Весьма важнымъ для характеристики огня союзнаго представляется мнѣ стихъ VI, 2, 2: *tvām hi shmā carshanayo yajñebhir gīrbhir īlate | tvām vājī yāty avrko rajastūr viśvacarshaniḥ ||* «ибо тебѣ люди поклоняются (тебѣ молятся) съ жертвами и гимнами; къ тебѣ приходитъ (прибѣгаетъ) герой, не вѣдающій враговъ, проходящій воздушное пространство (парящій въ воздухѣ), всенародный». Этотъ герой, несомнѣнно,—не человѣкъ, ибо онъ паритъ въ воздухѣ и не знаетъ враговъ. Это—божество. Какое именно? Безъ всякаго сомнѣнія, это—Индра,—князь и герой попреимуществу, неоднократно величаемый *viśvacarshani*—всенароднымъ или союзнымъ. Индра признавался какъ-бы верховнымъ княземъ соединенныхъ арійцевъ. Онъ именуется поэтому *vājī viśvacarshani*—общій герой, союзный властитель. Не сразу получилъ Индра такое значеніе. Но когда онъ его получилъ, то явилась потребность учредить и культъ соотвѣтственнаго союзнаго-же огня: иначе *союзная* роль Индры осталась-бы номинальной, фиктивной, не имѣющей жизненнаго значенія. Ибо, по понятіямъ арійцевъ Семирѣчья, благія для людей дѣянія или функціи боговъ могли осуществляться *только* чрезъ посредство *культа*, чрезъ посредничество *культовыхъ* божествъ и прежде всего—Агни. И вотъ для осуществленія функціи Индры, какъ союзнаго или общеарійскаго князя и заступника, необходимо было участіе огня, который въ своемъ пламени и дымѣ возносилъ-бы ему приношенія и молитвы людей,—дары и гимны цѣлыхъ общинъ, моленія соединенныхъ племенъ. Эту роль не могъ исполнять огонь домашній (пока онъ оставался *только* домашнимъ), равно какъ и огонь общинный (какъ таковой): для нея нуженъ былъ огонь союзный, общеплеменной, всеарійскій,—тотъ самый, который назывался *vaiśvanara*, *viśvacarshani*, *viśvākṛshṭi*.